

КНИГА ПЕРВАЯ

МИР БЕЗ НОЧИ

Иногда самые важные дороги
начинаются там, где человек впервые
решается открыть своё сердце.

ПАМЯТЬ
ЛЮБОВЬ
ОБЕЩАНИЯ
ДОРОГА

ЧТО, ЕСЛИ СУДЬБА ЦЕЛОГО МИРА ЗАВИСИТ
НЕ ОТ ВЕЛИКИХ ПОДВИГОВ,
А ОТ САМЫХ ОБЫЧНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОСТУПКОВ?

Умиджон Мардонов

Мир без ночи

<https://litres.ru/74162974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если однажды вам приснится мир, который окажется реальнее собственной жизни?

Бахтиёр уверен, что это всего лишь сон. Но каждую ночь он возвращается туда, где никогда не бывает ночи. Постепенно граница между двумя мирами начинает исчезать: случайные встречи перестают быть случайными, незнакомые люди знают его имя, а воспоминания о месте, которого не существует, становятся сильнее памяти о собственной жизни.

Вместе с Зариной ему предстоит сделать выбор, от которого зависит не только их судьба, но и будущее мира, существующего благодаря любви, верности и исполненным обещаниям.

«Мир без ночи» — роман о памяти, надежде и свете, который человек способен сохранить даже тогда, когда кажется, что вокруг сгущается тьма.

Некоторые истории заканчиваются на последней странице.

Эта — только начинается.

Роман состоит из 29 глав, в свободном чтении выложены первые 10 глав.

Содержание

От автора	5
Глава 11	164
Глава 12	183
Первый день вместе	183
Глава 13	195
Вселенная по имени Зарина	195
Глава 14	217
Вечер	224
Глава 15	232
Нити	233
В это же время...	261
Глава 16	264
Двадцать один день	264
Глава 16. Двадцать один день	284
День четырнадцатый	301
Конец ознакомительного фрагмента.	321

Умиджон Мардонов

Мир без ночи

УМИДЖОН МАРДОНОВ

«МИР БЕЗ НОЧИ»

Книга первая

Светлой памяти моего отца.

*Надеюсь, однажды ты прочитаешь эту историю там,
где больше не бывает ночи.*

От автора

Есть истории, в которых герои спасают мир.

Есть истории, в которых мир спасает героев.

А есть истории, которые напоминают нам о том, что самые важные битвы происходят тихо — в тот момент, когда человек решает остаться добрым, несмотря ни на что.

«Мир без ночи» — не история о волшебстве.

Это история о памяти, любви, обещаниях и свете, который каждый человек однажды получает, чтобы передать дальше.

Если после последней страницы вам захочется чуть крепче обнять близкого человека, простить кого-то или просто посмотреть на мир внимательнее — значит, эта книга нашла своего читателя.

Спасибо, что прошли эту Дорогу вместе с героями.

Добро пожаловать в «Мир без ночи».

Иногда мир спасают не те, кто совершает великие подвиги.

Его спасают люди, которые просто не позволяют своему сердцу погаснуть.

Глава 1

Первый контакт

Когда он открыл глаза, потолок сначала быстро закружился, потом замедлился и Бахтиёр оказался в своей спальне. Холодный пот на его лбу отнюдь не говорил о том, что ему снился кошмар. Это был приятный сон.

«Неужели, все это возможно?» – застыл в его глазах этот вопрос. Несколько раз, мысленно повторяя его, Бахтиёр пытался запомнить отрывки и эпизоды своего сна. Не понимая, почему именно ему приснился этот сон, он пытался удержать в памяти, растворявшиеся как дым ясные картины того, что видел буквально несколько секунд назад. Напрасно он пытался повторять имена людей, названия местностей и улиц, по которым он ходил. Нет, это был не его родной город, даже не страна, в которой он жил в реальной жизни. Он был готов поклясться, что в своем сне он находился в абсолютно другой планете, но и ее названия он не мог вспомнить. Хотя, в своем разуме, он точно знал, что прожил там он целую жизнь.

«Как же это может быть? Почему мы – люди до сих пор не поняли этой простой истины? Той истины, что этот мир, в котором мы все живем, не реален. Зачем люди обманывают себя, утверждая, что жизнь дается всего один раз? Для чего мы вообще живем, если можно оказаться там, где намного проще, где нет никаких преград, где все счастливы?». С каж-

дой секундой пробуждения, сон Бахтиёра отдалялся от него. Его детали становились похожими на автомобиль, мчавшийся с большой скоростью в противоположном направлении, и исчезали в горизонте. Они превращались в микрочастицы и атомы, которые лопались как шарики и не обретали свою форму уже никогда.

Бахтиёр еще минут десять пролежал в своей постели, напрасно пытаясь вернуть и засунуть в своей памяти свой сон. Хотя он успел забыть его, но главная суть осталась в его памяти. Он улыбнулся от той мысли, которая сейчас пришла ему в голову. «Любопытно, есть ли еще люди на свете, которые видели подобное? Что они думают на этот счет? Есть ли малейшая вероятность того, что эти люди не скажут «ах, это же просто сон, просто иллюзия, сейчас проснусь, приму душ, позавтракаю и на работу?»».

– Черт! Работа! – почти во весь голос прокричал он и спрыгнул с постели. Посмотрев на часы на смартфоне, он понял, что будильник прозвенел еще полчаса назад. А из-за того, что сам мобильник затерялся где-то под подушкой, мелодию будильника он само собой мог не услышать или может, она была хорошей мелодией в его сне. Примерно две минуты ему понадобилось для того, чтобы надеть рубашку, брюки и закинуть галстук на шею. По дороге на кухню он уже застегивал пуговицы на сорочке. Открыв холодильник, он вытащил две куриные сосиски, положил их в кусок лепешки и запихнул в рот. Жуя свой полуфабрикат-завтрак, он нашел

в кармане пиджака пульт от автомобиля и дистанционно завел его. Пульт пропиликав, дал понять хозяину, что машина завелась и разогревает мотор. Через минуту он, уже накинув свое пальто, закрывал ключом квартиру.

Бахтиёр Каримов снимал двухкомнатную квартиру и жил один в двух сотнях километрах от родного города, где жили его родители. Три месяца назад, он решил бросить государственную службу, предварительно пройдя собеседование с крупным промышленником Рустамом Кельдияровым, который обратив должное внимание на былые достижения Бахтиёра в работе на государственные структуры, предложил хорошую должность в маленьком городке под названием Навруз, находящимся на севере страны. На собеседовании Кельдияров расспрашивал о заработной плате Бахтиёра, о его служебной машине, оплачивает ли начальство его расходы на проживание, питание, компенсирует ли аренду жилья. По итогам встречи, промышленный магнат пообещал Бахтиёру «в три или четыре раза увеличить его зарплату, выделить служебный автомобиль премиум-класса, на которых ездят сотрудники его компании, полностью компенсировать все расходы, связанные с жильем и пропитанием». Две недели поразмыслив о предложении Кельдиярова, осознав, что этот вариант намного лучше того, чем он сейчас владеет, Бахтиёр решил согласиться. Он подал заявление об отставке на госслужбе и в тот же день поехал на фирму. Итак, началась карьера Бахтиёра в качестве бизнесмена, подытожив де-

сятилетний стаж государственного чиновника на правительственной службе областного уровня.

Выбежав к машине, которая еще не прогрелась, он открыл дверь и сел за руль. Увидев, что машине нужно прогреться еще несколько минут, закурил и включил радио. Вместо ожидаемой им музыки, по радио диктор читал какой-то рассказ, где описывалась жизнь человека, который не мог определиться в жизни. Год за годом он, то менял работу, то становился жертвой каких-то непонятных обстоятельств на улице, в результате чего оставался без гроша в кармане. Он расстался со своей девушкой, ушел из дома, перестал отвечать на звонки родителей и звонить им. И он оказался на улице, бродяжничал, на выпрошенные им деньги он покупал дешевую выпивку и спился. В итоге он умер на улице. «Боже упаси!» подумал Бахтиёр и выключил приемник. Увидев по датчику на табло, что автомобиль прогрет достаточно, он начал движение в сторону главного офиса фирмы в Наврузе. Он знал, что его новый шеф Кельдияров проводит совещания на громкой связи по телефону и начинает его ровно в семь. Кельдияров не любил когда кто-то опаздывает на утреннюю планерку и словно в школе он каждое утро делал перекличку. «Бахромов – здесь, Достонов – здесь, Бахриддинов – здесь, Давлатов – уже едет... пятьдесят процентов с зарплаты!» - кричал он из динамика телефонного аппарата.

Пока Бахтиёр ехал на работу, то обгоняя ранних такси-

стов, то останавливаясь на светофоре, он не мог ни вспомнить подробности, ни выбросить из головы свой сон. «Как же так? Почему тот мир реальнее этого? Почему мы, люди этого еще не поняли и не захотели уйти туда?» задавал он себе вопрос за вопросом. Даже после утреннего совещания он долго сидел за столом и думал о своем сне.

Первое, что ему вспомнилось, это большой город, где никогда не наступает ночь, высокие небоскребы серовато-синего цвета, окна которых отдает блеск на лучах солнца. Также были отрывки светло-серых дорог, на светофорах которых не бывает пробок. Были также силуэты людей в белом, в лицах которых были только улыбки...

– Бахтиёр! Бахтиёр, совещание закончилось, о чем ты задумался? – услышал он управляющего северного офиса Бахриддинова. – Давай, езжай на кирпичный завод, там сейчас потенциальные инвесторы из Италии, хотят нам впарить свои дорогие гибридные горелки. «Боже, только не это! Только не сейчас» – подумал Бахтиёр, и попытался уловить уходящий в туман воспоминания из сна. «Ну, почему он всегда не вовремя?», подумал Бахтиёр, имея ввиду Бахриддинова. Кахрамон Бахриддинов, представлял из себя худощавого, с глубоко посаженными глазами, большим ртом и длинными пальцами на руках. Несмотря на то, что он еще довольно молод, ему было сорок три, на его голове уже виднелись залысины размером с теннисные мячи. Бахриддинов носил джинсы и разноцветную рубашку, он никогда не оде-

вался классически, в отличие от Бахтиёра. Обувь Бахриддинова всегда была потерта до царапин, но верхняя одежда постоянно была идеально поглажена. Что самое интересное и возмутительное, несмотря на то, что пять лет назад Бахриддинов, в состоянии сильного алкогольного опьянения попал в ужасную автомобильную аварию, после которой его буквально «собирали по кусочкам и косточка» и около года пролежал в коме, он никогда трезвым не садился за руль. Любил разгульный образ жизни, тратил большие деньги на друзей и женщин. Короче, Бахриддинов был человеком, который любит жизнь в своем понимании. Благодаря родственным узам с генеральным директором фирмы, а он приходился братом его жены, все вышеперечисленное сходило ему с рук.

– Хорошо, Кахрамон ака, сейчас поеду. Только вы не забудьте доложить руководству, что мне на следующей неделе нужно ехать в Ташкент по своим делам, – ответил Бахтиёр, встал со стола пошел к своей машине.

Рабочий день закончился и Бахтиёр торопился домой.

Обычно после тяжелого дня он еще несколько минут сидел в машине перед тем, как завести двигатель. Это вошло у него в привычку еще со времен государственной службы. Тогда казалось, что эти несколько минут тишины отделяют работу от личной жизни. Сегодня же он не мог усидеть на месте.

Сев за руль, он бросил портфель на соседнее сиденье, повернул ключ зажигания и медленно выехал со стоянки. Уже стемнело. Редкие фонари освещали улицы Навруза желтоватым светом, отражавшимся в лужах после прошедшего днем дождя. Город жил своей привычной жизнью. Люди возвращались домой, возле магазинов стояли небольшие очереди, где-то неподалеку слышалась музыка со свадьбы.

Но Бахтиёр всего этого почти не замечал.

Перед его глазами снова и снова возникали лица тех людей из сна. Он не мог вспомнить ни одного полностью. Они словно прятались за легкой дымкой, но ощущение близости с ними не исчезало. Казалось, что он прожил рядом с ними долгие годы.

— Что же это было?.. — тихо произнес он, не заметив, что сказал это вслух.

Автомобиль медленно остановился на красный сигнал светофора.

Справа, на автобусной остановке, стоял пожилой мужчина в длинном сером пальто. Его лицо показалось Бахтиёру смутно знакомым. Настолько знакомым, что по телу пробежал холодок.

Он еще раз внимательно посмотрел в его сторону.

Мужчина тоже смотрел на него.

Несколько секунд они не отрывали друг от друга взгляда.

Загорелся зеленый свет.

Сзади нетерпеливо просигналил грузовик.

Бахтиёр машинально нажал на педаль газа и поехал дальше.

Проехав метров сто, он неожиданно понял, что уже видел этого человека.

Во сне.

Он резко нажал на тормоз.

Машина остановилась у обочины.

Сердце колотилось так сильно, словно он только что пробежал несколько километров.

«Нет... Этого не может быть...»

Он быстро включил заднюю передачу и вернулся к остановке.

На ней уже никого не было.

Лишь пожилая женщина поправляла платок, ожидая автобус.

— Извините, здесь только что стоял мужчина... Высокий... В сером пальто...

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Сынок, кроме меня здесь уже минут десять никого не было.

Бахтиёр молча кивнул, извинился и снова сел в машину.

До самого дома он больше не включал радио.

Квартира встретила его привычной тишиной.

Он снял пальто, аккуратно повесил его в шкаф и прошёл на кухню.

Вода в чайнике закипела быстро.

Пока заваривался чай, Бахтиёр открыл старый шкаф, где лежали несколько школьных тетрадей, оставшихся еще со студенческих лет.

Он долго перебирал их.

Наконец выбрал почти пустую тетрадь в синей обложке.

На первой странице вывел аккуратным почерком:

«СОН»

Немного подумав, поставил сегодняшнюю дату.

Он решил записывать все, что еще помнил.

Сначала слова приходили легко.

«Город...»

«Высокие здания...»

«Белая одежда...»

«Улыбающиеся люди...»

Потом он остановился.

Ручка замерла над листом.

Перед глазами неожиданно всплыло одно незнакомое слово.

Он не понимал, что оно означает, но почему-то был уверен, что именно так называлось место, где он жил во сне.

Бахтиёр медленно написал:

«Арсан»

Он перечитал написанное несколько раз.

Никогда раньше он не слышал этого слова.

Не встречал его ни в книгах, ни в разговорах.

Он попытался вспомнить, почему написал именно так.

Ответа не было.

Слово словно само появилось на бумаге.

Бахтиёр закрыл тетрадь.

«Завтра спрошу кого-нибудь. Может быть, это название какого-нибудь древнего города...»

Он выключил свет и лег спать значительно раньше обычного.

Но сон долго не приходил.

Каждый раз, закрывая глаза, он надеялся снова оказаться там.

В том мире, где никогда не наступала ночь.

И впервые за многие годы он поймал себя на мысли, что совсем не хочет просыпаться.

Бахтиёр не помнил, в какой момент уснул.

Ему показалось, что он всего лишь на мгновение закрыл глаза.

И снова наступило утро.

Но не то утро, которое бывает в его квартире.

Он стоял на широкой улице, вымощенной светло-серым камнем. Воздух был удивительно чистым и прохладным. Не было ни ветра, ни привычного городского шума. Вместо гула автомобилей слышался лишь едва уловимый шелест, будто тысячи деревьев одновременно разговаривали между собой.

Он посмотрел вокруг.

Те самые здания.

Высокие, уходящие далеко вверх, словно их вершины растворялись в белом свете. Они были построены из материала, напоминавшего стекло и камень одновременно. Их стены не отражали солнце, а словно сами излучали мягкий свет.

По улице спокойно шли люди.

Они не спешили.

Никто не разговаривал громко.

Никто не смотрел под ноги.

Каждый встречный улыбался так, будто давно был знаком с Бахтиёром.

И никто не удивлялся его появлению.

Вдруг навстречу ему направился пожилой мужчина.

Тот самый.

В сером пальто.

Теперь Бахтиёр ясно видел его лицо. Глубокие морщины, седые волосы, спокойный взгляд.

Старик остановился в нескольких шагах.

— Ты слишком рано начал вспоминать, — тихо сказал он.

— Кто вы?

Старик не ответил.

— Где мы?

Вместо ответа он поднял руку и указал вдаль.

Там, за высокими зданиями, возвышалась огромная башня. Она была настолько высокой, что ее верхушка терялась в небе.

— Когда придет время, ты сам туда поднимешься.

— Но что это за место?

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты уже задавал этот вопрос.

— Когда?

— Очень давно.

Бахтиёр почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Мы знакомы?

На лице старика появилась легкая улыбка.

— Намного ближе, чем ты думаешь.

В этот момент где-то вдали раздался протяжный звук.

Он был похож одновременно на звон колокола и на раскат грома.

Люди вокруг остановились.

Все как один повернули головы в сторону башни.

Их лица стали серьезными.

Старик медленно произнес:

— Просыпайся.

Бахтиёр резко сел на кровати.

За окном еще было темно.

Сердце билось так сильно, что он слышал каждый удар.

Он посмотрел на часы.

Половина четвертого утра.

До будильника оставалось больше трех часов.

Сон был настолько реальным, что ему понадобилось несколько минут, чтобы понять, где он находится.

Он быстро включил настольную лампу и достал синюю тетрадь.

Руки слегка дрожали.

Он начал быстро записывать все, что успевал вспомнить.

«Старик.»

«Башня.»

«Ты слишком рано начал вспоминать.»

«Очень давно.»

Последнюю фразу он подчеркнул несколько раз.

Потом перевернул страницу и написал крупными буквами:

КТО ОН?

Бахтиёр долго смотрел на эти слова.

Внезапно ему пришла мысль, от которой стало не по себе.

Если во сне старик сказал правду...

Значит, это был уже не первый раз, когда они встречались.

Но почему он ничего не помнит?

Он закрыл тетрадь и попытался снова уснуть.

На этот раз сон не пришел.

Утром, собираясь на работу, Бахтиёр положил тетрадь в портфель.

Он еще не знал зачем.

Но впервые за многие годы у него появилось чувство, что эта обычная школьная тетрадь вскоре станет самой важной вещью в его жизни.

Когда он вышел из подъезда, прохладный утренний воздух окончательно прогнал остатки сна.

Во дворе дворник подметал мокрый асфальт.

Возле соседнего подъезда несколько мужчин обсуждали цены на бензин и предстоящий футбольный матч.

Мир жил своей обычной жизнью.

Только для Бахтиёра он уже начал незаметно меняться.

Он даже не подозревал, что сегодняшней день станет первым шагом к событиям, которые заставят его усомниться не только в собственном разуме, но и в самой природе человеческой жизни.

Глава 2

Утреннее совещание прошло как обычно.

Кельдияров был в хорошем настроении. Он рассказывал о переговорах с поставщиками оборудования, требовал ускорить строительство нового цеха и постоянно повторял свою любимую фразу:

— Деньги любят скорость. Кто долго думает — тот работает на конкурентов.

Бахтиёр слушал его вполуха.

Перед ним лежал ежедневник, но вместо рабочих записей он снова и снова писал одно слово.

Арсан.

Затем аккуратно обвел его кружком.

— Бахтиёр!

Он поднял голову.

— Да, Рустам Абдуллаевич.

— Ты сегодня вообще здесь?

По кабинету прокатился легкий смех.

— Извините... задумался.

— Это я вижу. После совещания зайди ко мне.

Кельдияров курил дорогие сигареты. В его кабинете всегда пахло табаком и свежесваренным кофе.

Он внимательно посмотрел на Бахтиёра.

— Проблемы дома?

— Нет.

— Деньги?

— Нет.

— Тогда что?

Бахтиёр колебался.

Рассказать начальнику про сон?

Глупость.

Он лишь покачал головой.

— Просто плохо спал.

Кельдияров улыбнулся.

— Молодой еще. Это после сорока сон становится роскошью.

Он подписал несколько документов и неожиданно спросил:

— Ты веришь в вещие сны?

Бахтиёр вздрогнул.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто так.

Он затушил сигарету.

— Моя бабушка говорила, что бывают сны, которые нельзя никому рассказывать.

— Почему?

— Потому что тогда они теряют силу.

Бахтиёр почувствовал, как внутри все похолодело.

Еще утром он хотел рассказать кому-нибудь о своем сне.

Теперь уже не был уверен.

По дороге обратно в кабинет он встретил пожилую уборщицу.

Женщина никогда раньше не обращалась к нему первой.

Но сегодня вдруг остановилась.

— Сынок...

— Да?

— Ты сегодня очень бледный.

— Не выспался.

Она внимательно посмотрела ему в глаза.

— Не бойся того, что увидел.

Бахтиёр застыл.

— Что вы сказали?

— Я говорю... весна скоро. Люди весной плохо спят.

Она улыбнулась и пошла дальше.

Бахтиёр еще долго смотрел ей вслед.

Он был уверен.

Первые слова она сказала совсем другие.

Весь день он пытался сосредоточиться на работе.

Не получалось.

Перед глазами постоянно возникала башня.

Иногда ему даже казалось, что он чувствует тот прохладный воздух.

Настолько отчетливо, словно только что вернулся оттуда.

К вечеру он принял решение.

По дороге домой он заехал не в магазин и не на рынок.

Он направился в городскую библиотеку.

Старая библиотека располагалась в двухэтажном здании, построенном еще в советские годы.

Внутри пахло книгами, пылью и старым деревом.

За высоким столом сидела библиотекарь — женщина лет шестидесяти в очках с толстыми стеклами.

— Чем могу помочь?

— Мне нужны книги...

Он запнулся.

— О чем?

— О снах.

Она подняла брови.

— Медицина?

— Нет.

— Психология?

— Тоже нет.

— Тогда какие?

Бахтиёр немного подумал.

— О том... могут ли люди видеть во сне реальные места.

Женщина молча посмотрела на него.

Потом неожиданно спросила:

— Вы первый раз такое увидели?

Сердце Бахтиёра пропустило удар.

— Откуда вы...

Она быстро отвела взгляд.

— Простите. Просто многие после прочтения таких книг задают похожие вопросы.

Она скрылась между стеллажами.

Через несколько минут принесла три книги.

Первая была о психологии сна.

Вторая — о древних цивилизациях Востока.

Третья оказалась без обложки.

На пожелтевшем корешке почти стерлись буквы.

Бахтиёр открыл первую страницу.

Внутри аккуратным почерком было написано:

"Тот, кто однажды вспомнит второй мир, уже никогда не станет прежним."

Он замер.

Книга была издана в 1968 году.

Никаких авторов.

Никакого издательства.

Лишь эта единственная фраза.

Бахтиёр медленно поднял глаза.

— Откуда эта книга?

Но библиотекаря за столом уже не было.

Лишь старая настольная лампа продолжала освещать пустое место.

Бахтиёр медленно закрыл книгу.

В библиотеке было тихо.

Настолько тихо, что он слышал тиканье старых настенных часов.

Он еще раз посмотрел на первую страницу.

Чернила казались совсем свежими, словно эту фразу написали не почти сорок лет назад, а всего несколько минут назад.

— Простите...

Он поднялся и направился к столу библиотекаря.

За столом никого не оказалось.

— Есть кто-нибудь?

Ответом была тишина.

Он прошел между высокими книжными стеллажами.

Пусто.

Лишь в самом конце зала старая уборщица неторопливо протирала подоконник.

— Извините, где библиотекарь?

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Сегодня никого, кроме меня, здесь нет.

— Как нет? Я только что разговаривал...

Она покачала головой.

— После обеда библиотека пустая. Людей почти не бывает.

Бахтиёр почувствовал, как по коже пробежал холод.

— Но книги...

— Берите, если нужны.

Он снова посмотрел на странную книгу.

На внутренней стороне обложки стоял библиотечный штамп.

1971 год.

Ни инвентарного номера.

Ни фамилии автора.

Ничего.

Словно книга никогда официально не существовала.

Он оформил читательский билет и вышел на улицу.

Начинался мелкий дождь.

Дома он долго не решался открыть книгу.

В голове боролись два чувства.

Одно убеждало, что все происходящее — обычное совпадение.

Другое шептало, что именно с этой книги все и начнется.

Наконец он перелистнул первую страницу.

Вместо привычного текста были короткие записи.

Не главы.

Не рассказы.

Скорее дневник.

Каждая запись начиналась с даты.

12 апреля 1938 года.

«Сегодня я снова видел город без ночи. Проснувшись, смог вспомнить только башню.»

Следующая запись.

5 сентября 1949 года.

«Теперь нас уже трое. Остальные боятся говорить об этом.»

Еще одна.

17 января 1962 года.

«Если ты читаешь эти строки, значит, память начала возвращаться. Не торопись искать ответы. Они сами найдут тебя.»

Бахтиёр медленно опустил книгу.

Комната словно стала меньше.

Он подошел к окну.

Во дворе мальчишки играли в футбол.

Сосед развешивал белье.

Женщина с сумками спешила домой.

Обычная жизнь.

Но теперь она казалась декорацией.

Он снова открыл книгу.

Последняя заполненная страница была датирована 3 мая 1989 года.

Всего одна строчка.

«Я больше не могу оставаться здесь. Завтра меня заберут.»

Дальше — пустые листы.

Все до одного.

Словно кто-то оставил место для следующего человека.

Бахтиёр машинально провел рукой по чистой странице.

И вдруг почувствовал слабый запах.

Тот самый.

Запах прохладного воздуха из сна.

Он резко убрал руку.

Это было невозможно.

Книга пахла не пылью и старыми страницами.

Она пахла тем миром.

И в этот момент в дверь квартиры раздался звонок.

Один раз.

Потом второй.

Бахтиёр никого не ждал.

Он подошел к двери и посмотрел в глазок.

На лестничной площадке стоял тот самый пожилой мужчина в сером пальто.

И он не звонил.

Он просто смотрел прямо в глазок.

Будто точно знал, что Бахтиёр наблюдает за ним.

Глава 3

Звонок больше не повторился.

Бахтиёр продолжал смотреть в глазок.

Пожилой мужчина стоял неподвижно.

Он не нервничал, не оглядывался по сторонам и даже не пытался снова нажать кнопку звонка. Казалось, он просто ждал.

Неизвестно чего.

Прошла почти минута.

Наконец Бахтиёр осторожно повернул замок.

Дверь открылась.

Лестничная площадка была пуста.

Никого.

Он вышел наружу.

Тишина.

Лишь где-то этажом ниже хлопнула дверь квартиры.

Бахтиёр быстро спустился вниз.

Пусто.

Еще ниже.

Никого.

Он вышел из подъезда.

Возле дома сидели двое пенсионеров и обсуждали последние новости.

Мальчишки продолжали гонять мяч.

Мужчины играли в домино.

Никакого старика.

Словно его никогда здесь не было.

Бахтиёр медленно вернулся домой.

Запер дверь.

Поставил цепочку.

И только тогда понял одну странную вещь.

Он так и не спросил себя, почему вообще решил открыть дверь.

Будто был уверен, что за ней стоит кто-то знакомый.

Следующие несколько дней прошли удивительно спокойно.

И именно это настораживало.

Сны больше не повторялись.

Никаких видений.

Никаких странных совпадений.

Жизнь словно нарочно возвращалась в привычное русло.

Работа.

Совещания.

Документы.

Поездки на завод.

Разговоры с подрядчиками.

Однажды вечером он даже поймал себя на мысли, что начинает забывать детали того самого сна.

Это испугало его сильнее всего.

Он достал синюю тетрадь.

Каждый вечер перечитывал записи.

Иногда дописывал мелочи.

Например, что в том городе не было ощущения времени.

Или что люди никогда не спрашивали друг друга, сколько сейчас часов.

Странно...

Но он никак не мог вспомнить ни одних часов.

Ни настенных.

Ни наручных.

Ни башенных.

Словно времени там действительно не существовало.

Через неделю Кельдияров вызвал его к себе.

— Собирайся.

— Куда?

— В Ташкент.

— Когда?

— Сейчас.

Бахтиёр удивился.

— Что случилось?

— Приехали итальянцы.

Хотят подписывать контракт.

Будешь сопровождать.

Через полчаса служебная «Тойота» уже мчалась по трассе.

За рулем сидел водитель фирмы Юлдаш.

Немногословный мужчина лет пятидесяти.

Почти всю дорогу они ехали молча.

Лишь когда до столицы оставалось километров сорок, водитель неожиданно спросил:

— Вам когда-нибудь снился один и тот же сон?

Бахтиёр медленно повернул голову.

— Почему вы спрашиваете?

Юлдаш не отрывал взгляда от дороги.

— Просто так.

— Нет...

— А мне снится уже лет двадцать.

Бахтиёр почувствовал, как сердце снова забилося быстрее.

— Что именно?

Юлдаш усмехнулся.

— Не знаю.

Каждый раз просыпаюсь и забываю.

Помню только одно ощущение.

— Какое?

— Что там... дома.

Он замолчал.

До самого Ташкента больше никто не произнес ни слова.

Вечером, после переговоров, Бахтиёр решил пройтись пешком.

Столица жила совсем иначе.

Шум машин.

Огни витрин.

Переполненные автобусы.

Люди спешили, не замечая друг друга.

Он шел без цели.

Сам не заметил, как оказался возле старого книжного магазина.

На витрине висела пожелтевшая вывеска:

«Букинист».

Внутри было тесно.

Книги лежали повсюду.

На полках.

На подоконниках.

Даже на полу.

За прилавком сидел седой старик.

Он поднял глаза.

И спокойно сказал:

— Наконец-то.

Бахтиёр остановился.

— Простите?

— Я ждал тебя.

— Мы знакомы?

— Пока нет.

Старик медленно поднялся.

Подошел к одной из полок.

Снял толстую книгу в кожаном переплете.

Положил перед Бахтиёром.

На обложке золотыми буквами было написано:

«Память души».

— Возьми.

— Сколько она стоит?

Старик улыбнулся.

— За нее давно заплатили.

— Кто?

— Ты.

Бахтиёр невольно сделал шаг назад.

— Это какая-то ошибка.

Старик покачал головой.

— Ошибки здесь случаются редко.

Он открыл книгу примерно на середине.

Между страниц лежала старая черно-белая фотография.

На ней стояли шестеро мужчин.

Фотография была сильно выцветшей.

Но одного человека Бахтиёр узнал сразу.

Это был тот самый пожилой мужчина в сером пальто.

Только здесь он выглядел лет на тридцать моложе.

Рядом с ним стоял еще один человек.

Молодой.

В строгом костюме.

Очень похожий на самого Бахтиёра.

Только фотография была сделана, судя по одежде, не позднее пятидесятих годов.

— Кто это? — тихо спросил он.

Старик долго молчал.

Потом произнес всего одну фразу:

— Это люди, которые однажды тоже начали вспоминать.

И в этот момент у входной двери магазина прозвенел колокольчик.

В помещение вошел высокий мужчина в темном плаще.

Он быстро оглядел зал.

Его взгляд остановился на Бахтиёре.

Лицо незнакомца сразу изменилось.

Без единого слова он развернулся и вышел обратно на улицу.

Старик тяжело вздохнул.

— Плохо...

— Что произошло?

— Они нашли тебя быстрее, чем я предполагал.

Бахтиёр почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Кто... они?

Старик посмотрел прямо ему в глаза.

И впервые за все время в его взгляде появился настоящий страх.

— Люди, которые сделают всё, чтобы ты никогда ничего не вспомнил...

Глава 4

Бахтиёр не помнил, как вышел из букинистического магазина.

Книга лежала под мышкой, завернутая в старую серую

бумагу. Начался дождь. Мелкие капли быстро покрыли асфальт темными пятнами, а редкие прохожие торопились укрыться под козырьками магазинов.

Он остановился возле машины.

Водитель уже дремал, откинув сиденье.

Бахтиёр не стал его будить.

Ему хотелось пройтись.

Шагая по вечернему Ташкенту, он снова и снова вспоминал слова старика.

«Они нашли тебя быстрее, чем я предполагал.»

Кто — они?

Почему нашли именно его?

И почему старик сказал это так, словно ожидал чего-то подобного?

Он достал книгу.

На улице уже темнело, и читать было невозможно.

Но любопытство пересилило.

Он открыл ее наугад.

На пожелтевшей странице было всего несколько строк.

"Когда память возвращается впервые, человеку кажется, что он сходит с ума.

Когда память возвращается во второй раз, он начинает искать объяснения.

После третьего возвращения память сама начинает искать человека."

Бахтиёр перечитал несколько раз.

Страница была без номера.

Он перевернул лист.

Следующий оказался совершенно чистым.

Еще один.

Тоже пустой.

И только спустя несколько страниц снова появился текст.

Будто кто-то специально вырывал целые главы.

Вернувшись в гостиницу, он почти не спал.

Перед рассветом ему приснился короткий сон.

Настолько короткий, что после пробуждения он не мог понять, снилось ли это вообще.

Он стоял перед огромными воротами.

Не башней.

Именно воротами.

Белый камень.

Высота метров тридцать.

На обеих створках были вырезаны тысячи имен.

Он подошел ближе.

Каждое имя медленно светилось.

Некоторые исчезали.

На их месте появлялись новые.

И вдруг он увидел свое.

БАХТИЁР.

Он протянул руку.

Едва пальцы коснулись букв, как они начали растворяться.

Из-за ворот слышался голос.

— Еще рано.

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Только тихий смех ребенка.

И сон оборвался.

Утром они вернулись в Навруз.

Всю дорогу Бахтиёр молчал.

Юлдаш тоже.

Лишь однажды водитель неожиданно спросил:

— Вам когда-нибудь казалось, что вы уже проживали один и тот же день?

— Почему вы спрашиваете?

Юлдаш пожал плечами.

— Иногда мне кажется, что жизнь повторяется.

Только каждый раз немного по-другому.

После этих слов он снова замолчал.

Рабочая неделя потекла своим чередом.

Бахтиёр специально заставлял себя заниматься только делами.

Контракты.

Строительство.

Финансовые отчеты.

Встречи.

Несколько дней он даже не открывал загадочную книгу.

Он пытался доказать самому себе, что способен жить как раньше.

Но на пятый день произошло то, чего он никак не ожидал.

В приемной сидела молодая женщина.

Лет двадцати семи.

Светлое пальто.

Темно-зеленый платок.

В руках небольшая папка.

Она подняла голову.

Их взгляды встретились.

Бахтиёр почувствовал, как земля буквально ушла из-под ног.

Он знал ее.

Не мог объяснить как.

Но знал.

Не просто видел.

Знал.

Она тоже побледнела.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Потом женщина тихо произнесла:

— Простите...

Мне кажется...

Мы уже встречались.

Бахтиёр машинально ответил:

— Нет...

Мы никогда раньше не виделись.

Но в тот же миг понял, что солгал.

Во сне он прожил рядом с ней годы.

Хотя до сих пор не мог вспомнить ни ее имени, ни того, кем она была.

Женщина продолжала смотреть на него так же растерянно.

Потом опустила глаза.

— Странно...

У меня такое чувство, будто я знаю ваш голос с самого

детства.

Бахтиёр почувствовал, как сердце забилось чаще.

И вдруг впервые за все это время испугался по-настоящему.

Потому что понял:

Он больше не единственный.

Глава 5

Прошла почти неделя после встречи с девушкой в приемной.

Бахтиёр несколько раз хотел узнать, кто она такая, но каждый раз останавливал себя.

Ему казалось, что если он начнет искать ее специально, то окончательно признает: происходящее перестало быть случайностью.

А он пока еще не был готов это признать.

Жизнь словно нарочно стала обычной.

Утром работа.

Днем переговоры.

Вечером документы.

Иногда поездки на стройку.

Иногда встречи с поставщиками.

Все выглядело так, словно ничего не произошло.

Но только внешне.

Внутри он изменился.

Он начал замечать то, чего раньше никогда не видел.

Например, людей.

Не лица.

Именно людей.

Водителя автобуса, который каждое утро здоровался с одной и той же старушкой.

Мальчика, который терпеливо ждал отца возле автомашинной.

Пожилую женщину, каждый вечер приносящую голубям

хлеб.

Раньше он проходил мимо.

Теперь почему-то останавливался.

И наблюдал.

Однажды вечером он поймал себя на странной мысли.

«А ведь у каждого из этих людей есть целая жизнь, о которой я ничего не знаю...»

Раньше он никогда так не думал.

В тот день он вернулся домой позже обычного.

На кухне стояла почти полная тишина.

Он автоматически поставил чайник.

Достал чашку.

Положил пакетик чая.

И вдруг замер.

Совершенно неожиданно он вспомнил отца.

Не лицо.

Не голос.

А движение.

Как отец всегда слегка стучал ложкой по краю стакана, прежде чем положить ее на блюдце.

Совершенно бессмысленная мелочь.

Но именно она вдруг вернулась в память.

Бахтиёр машинально повторил это движение.

И почувствовал, как в груди что-то сжалось.

«Почему именно сейчас?..»

Он давно заметил странную особенность памяти.

Чем сильнее человек пытается вспомнить что-то важное, тем меньше у него получается.

Но стоит забыть об этом...

И вдруг вспоминается совершенно случайная деталь.

Не событие.

Не разговор.

А звук.

Запах.

Жест.

Он сел у окна.

За стеклом шел дождь.

Вода медленно стекала по темному стеклу, превращая огни фонарей в длинные золотистые полосы.

И впервые за много лет Бахтиёр позволил себе не убежать от воспоминаний.

Он думал об отце.

О том, как редко говорил ему самые простые слова.

Как всегда казалось, что времени впереди еще очень много.

Как однажды это время закончилось.

Он тихо произнес:

— Прости...

И сам не понял, за что просил прощения.

На следующее утро произошло нечто странное.

Не мистическое.

Странное.

На работу он обычно ездил одной и той же дорогой.

Но в этот день почему-то свернул не туда.

Сам не понял почему.

Через несколько минут машина оказалась возле старого городского парка.

Бахтиёр остановился.

Он не был здесь много лет.

Еще мальчишкой они приходили сюда с отцом.

Катались на лодках.

Ели мороженое.

Смеялись.

Он долго сидел, не выходя из машины.

Потом все-таки вышел.

Парк почти не изменился.

Те же старые деревья.

Те же скамейки.

Только люди стали другими.

Или, может быть, изменился он сам.

Он медленно шел по дорожке.

Вдруг увидел старую деревянную лавочку.

И сразу понял.

Именно здесь.

Здесь отец когда-то сказал ему фразу, которую он тогда совсем не понял.

Бахтиёр закрыл глаза.

Он слышал ее.

Почти слышал.

Но слова ускользали.

Он сел на лавочку.

Прошла минута.

Две.

Пять.

Ветер слегка качал ветви.

Вдалеке смеялись дети.

И вдруг...

Совершенно неожиданно рядом кто-то сел.

Бахтиёр открыл глаза.

Пожилой мужчина.

Совсем незнакомый.

Обычная одежда.

Добрые глаза.

Они молчали.

Потом мужчина неожиданно сказал:

— Странная вещь память.

Чем старше становишься...

Тем меньше помнишь вчерашний день.

И тем яснее помнишь детство.

Бахтиёр медленно повернул голову.

— Мы знакомы?

Мужчина улыбнулся.

— Нет.

Но иногда людям не обязательно быть знакомыми, чтобы сказать друг другу что-то важное.

Он поднялся.

Поправил пиджак.

И прежде чем уйти, тихо произнес:

— Не ищите воспоминания.

Ищите человека, которым вы были рядом с ними.

После этих слов он спокойно пошел дальше.

Бахтиёр еще несколько секунд сидел неподвижно.

Эта фраза...

Она была странной.

Но в ней было что-то настолько настоящее, что спорить с ней не хотелось.

Он посмотрел вслед незнакомцу.

Тот уже почти скрылся за деревьями.

И вдруг...

Совершенно неожиданно...

Походка этого человека показалась Бахтиёру удивительно знакомой.

Не лицо.

Не голос.

Именно походка.

Точно так же когда-то ходил его отец.

Бахтиёр резко поднялся.

— Подождите!

Он побежал вслед.

Выбежал за поворот.

Но дорожка оказалась пустой.

Незнакомец исчез.

Не растворился.

Не испарился.

Он просто исчез так, как исчезают люди в большом парке.

Бахтиёр стоял, тяжело дыша.

Впервые за все время он не испытывал страха.

Только странное чувство...

Будто кто-то очень осторожно ведет его вперед.

Не открывая дороги.

А лишь помогая не свернуть с нее.

В тот вечер Бахтиёр не открыл загадочную книгу.

Она лежала на письменном столе, рядом с синей тетрадью.

Раньше он первым делом тянулся именно к ней.

Теперь нет.

Слова пожилого незнакомца в парке не выходили из головы.

«Не ищите воспоминания.

Ищите человека, которым вы были рядом с ними.»

Эта фраза была слишком простой.

Именно поэтому она не давала покоя.

Бахтиёр достал старый семейный альбом.

Толстый.

В темно-красной обложке.

Он давно не открывал его.

Фотографии пахли временем.

Бумага уже начала желтеть.

На первых страницах были родители.

Свадьба.

Молодой отец.

Совсем молодой.

На фотографии ему было чуть больше тридцати.

Он смеялся.

По-настоящему.

Без напряжения.

Без усталости.

Бахтиёр долго смотрел на этот снимок.

Он вдруг понял странную вещь.

Он почти не помнил отца молодым.

В памяти всегда оставались последние годы.

Когда отец стал серьезнее.

Тише.

Усталее.

Но ведь когда-то...

он был именно таким.

Веселым.

Легким.

Живым.

Эта мысль неожиданно причинила боль.

Человек незаметно начинает помнить своих родителей такими, какими видел их в последние годы.

И постепенно забывает, какими они были всю жизнь.

Бахтиёр осторожно перевернул страницу.

Дальше были фотографии его самого.

Первый класс.

Пионерский лагерь.

Поездка в Самарканд.

Новогодний утренник.

И вдруг...

Он остановился.

На снимке отец держал его за плечо.

Совсем обычная фотография.

Но взгляд отца...

Он смотрел не в объектив.

Он смотрел на сына.

Так смотрят люди, которые в тот момент совершенно забывают о фотографе.

Бахтиёр провел пальцами по снимку.

И неожиданно поймал себя на мысли.

«Я никогда не спрашивал его...

О чем он тогда думал?»

...

В эту ночь ему ничего не приснилось.

Совсем ничего.

И это оказалось страшнее любого сна.

Он проснулся с ощущением пустоты.

Будто дверь, которая понемногу приоткрывалась последние недели, снова захлопнулась.

Весь следующий день он чувствовал раздражение.

На работе все валялось из рук.

Коллеги задавали вопросы.

Телефон звонил почти без остановки.

К вечеру Бахтиёр впервые за долгое время сорвался на молодого инженера.

Повысил голос.

Резко оборвал его объяснения.

Парень молча вышел из кабинета.

Через несколько минут Бахтиёр почувствовал стыд.

Такое с ним случалось редко.

Он поднялся.

Нашел инженера в цехе.

— Извини.

Тот удивленно посмотрел.

— За что?

— Я разговаривал не с тобой.

Парень улыбнулся.

— Бывает.

Они пожали друг другу руки.

И именно в этот момент...

Бахтиёр почувствовал что-то странное.

Совсем слабое.

Будто внутри него что-то...

отозвалось.

Не голос.

Не образ.

Скорее чувство.

На секунду ему показалось, что где-то очень далеко кто-то тоже улыбнулся.

Ощущение исчезло почти сразу.

Но оно было настолько настоящим, что он еще долго стоял молча.

...

Вечером он открыл синюю тетрадь.

Долго смотрел на чистую страницу.

И написал всего одну строчку.

"Сегодня я впервые понял, что память возвращается не тогда, когда вспоминаешь прошлое. А тогда, когда становишься лучше, чем был вчера."

Он перечитал написанное.

Закрыл тетрадь.

И впервые не стал искать объяснений.

Глава 6

Следующие дни прошли удивительно спокойно.

Настолько спокойно, что Бахтиёр начал сомневаться во всем, что произошло за последние недели.

Он даже несколько раз ловил себя на мысли, что готов рассмеяться над самим собой.

«Наверное, действительно устал... Переутомление. Сон. Совпадения. Ничего больше.»

Ему хотелось поверить именно в это.

Так было проще.

В пятницу Кельдияров пригласил нескольких сотрудников к себе домой.

Ничего официального.

Обычный ужин.

Такие вечера он устраивал редко, но если приглашал, отказаться было почти невозможно.

Дом стоял на окраине города.

Большой сад.

Абрикосовые деревья.

Мангал уже дымился, а хозяин встречал гостей так, будто все они были его давними друзьями.

— Бахтиёр! Наконец-то! Где пропадал?

— На работе, Рустам Абдуллаевич.

— Это неправильный ответ.

Работа всегда будет.

А жизнь — нет.

Кельдияров засмеялся.

Эта фраза удивила Бахтиёра.

Он никогда раньше не слышал подобных слов от человека, который сам жил работой.

За столом говорили обо всем.

О ценах.

О политике.

О строительстве.

О футболе.

Потом разговор неожиданно перешел к детям.

Каждый рассказывал что-то свое.

Кто-то жаловался на учебу сына.

Кто-то смеялся над проделками дочери.

Бахтиёр почти не участвовал в разговоре.

Он слушал.

И вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не помнит, рассказывал ли когда-нибудь отец о нем своим друзьям.

Гордился ли?

Хвастался ли успехами сына?

Или был таким же молчаливым, каким запомнился ему в последние годы?

Он не знал.

И эта простая мысль неожиданно больно кольнула.

Когда стемнело, гости постепенно начали расходиться по саду.

Кто-то пил чай.

Кто-то курил.

Кто-то продолжал спорить возле мангала.

Бахтиёр вышел за калитку.

Хотелось несколько минут тишины.

Дорога была пустой.

Лишь вдалеке лениво лаяла собака.

Он поднял голову.

Небо было удивительно чистым.

Такого количества звезд он не видел уже много лет.

И вдруг...

совершенно неожиданно...

он понял, что пытается вспомнить...

были ли звезды в том мире.

Он напряг память.

Башня.

Белые улицы.

Люди.

Свет.

Но...

небо...

Он не мог вспомнить небо.

Именно это испугало его больше всего.

«Как можно помнить целый город...

и не помнить небо?»

Вернувшись домой, он впервые не открыл синюю тетрадь.

Вместо этого он взял чистый лист бумаги.

И написал вопрос.

Всего один.

"Что я не помню?"

Не "что я помню".

Именно...

"что я не помню?"

Он долго смотрел на эти слова.

Потом неожиданно перевернул лист.

На обратной стороне появилась еще одна фраза.

"Почему я уверен, что забыл именно самое важное?"

Он положил ручку.

И вдруг понял, что за последние недели изменилось не только его отношение к снам.

Изменились его вопросы.

Раньше он искал ответы.

Теперь он пытался понять, какие вопросы вообще стоит задавать.

На следующий день случилось событие, которое любой другой человек посчитал бы совершенно обычным.

По дороге на работу Бахтиёр остановился на заправке.

Перед ним стоял старенький белый автомобиль.

Пожилой водитель никак не мог справиться с крышкой бензобака.

Очередь начинала нервничать.

Кто-то уже сигналил.

Бахтиёр вышел из машины.

— Давайте помогу.

Через минуту крышка поддалась.

Старик облегченно улыбнулся.

— Спасибо, сынок.

— Не за что.

— Все спешат...

А ты остановился.

Бахтиёр только пожал плечами.

— Это же две минуты.

Старик внимательно посмотрел ему в глаза.

Очень внимательно.

Потом тихо сказал:

— Иногда две минуты меняют гораздо больше, чем два года.

Он сел в машину.

Уехал.

Бахтиёр долго смотрел ему вслед.

Фраза показалась странной.

Но не мистической.

Скорее...

слишком точной.

Вечером того же дня ему снова приснился сон.

Не Арсан.

Не башня.

Не старик.

Он увидел маленького мальчика.

Лет восьми.

Мальчик сидел на берегу реки и бросал в воду камешки.

Бахтиёр подошел ближе.

— Ты кто?

Мальчик поднял голову.

И улыбнулся.

— Это ты.

— Нет...

Я тебя никогда не видел.

Мальчик покачал головой.

— Видел.

Просто забыл.

Бахтиёр хотел сделать еще шаг.

Но сон закончился.

Проснувшись, он не испытал ни страха, ни удивления.

Только одно чувство.

Ему вдруг очень захотелось найти свою первую школьную фотографию.

Хотя он сам не мог объяснить почему.

Глава 7

Этой ночью сон пришел без предупреждения.

Не было привычного ощущения засыпания.

Не было той границы, когда человек еще слышит дождь за окном, а через мгновение уже находится где-то далеко.

Бахтиёр просто...

открывает глаза.

И сразу понимает.

Он дома.

Это чувство возникает раньше мысли.

Раньше памяти.

Раньше зрения.

Именно чувство.

Он медленно вдыхает воздух.

Воздух пахнет так, как никогда не пахло на Земле.

Не цветами.

Не дождем.

Не травой.

А чем-то удивительно знакомым.

Так пахнет место, где тебя всегда ждали.

Он закрывает глаза.

И впервые за долгое время не пытается ничего понять.

Он просто дышит.

...

Когда он снова открывает глаза, перед ним широкая улица.

Она вымощена светлым камнем.

Но он почти не смотрит под ноги.

Он знает эту дорогу.

Не вспоминает.

Знает.

Он идет.

И совершенно уверен, что через несколько шагов справа окажется маленький мост.

Не потому что помнит.

А потому что иначе быть не может.

Через несколько секунд появляется мост.

Бахтиёр даже не удивляется.

Он кладет руку на теплые перила.

И тихо улыбается.

— Ты все еще здесь...

Почему он сказал именно это?

Он и сам не знает.

Но знает другое.

Он говорил это уже однажды.

Очень давно.

...

Вода под мостом прозрачна настолько, что кажется, будто ее нет.

Она течет бесшумно.

И почему-то кажется живой.

Бахтиёр смотрит вниз.

На мгновение ему кажется, что в глубине отражается совсем не его лицо.

А лицо мальчика.

Того самого.

Восьмилетнего.

Он моргает.

Отражение становится обычным.

...

Город живет.

Но живет совсем иначе.

Никто не спешит.

Никто не смотрит на часы.

Никто не разговаривает громко.

Люди идут навстречу.

Некоторые улыбаются.

Некоторые просто кивают.

И каждый раз Бахтиёр испытывает странное чувство.

Будто он должен помнить имя каждого.

Но пока не может.

...

Навстречу идет женщина.

Средних лет.

В простой светлой одежде.

Проходя мимо, она спокойно произносит:

— Как долго тебя не было...

И идет дальше.

Без вопросов.

Без удивления.

Без объяснений.

Бахтиёр оборачивается.

Женщина уже растворяется среди прохожих.

Но внутри неожиданно становится тепло.

Она сказала это так...

словно ждала его возвращения.

Не день.

Не месяц.

Очень долго.

...

Он продолжает идти.

Улица постепенно выходит к площади.

В ее центре действительно стоит фонтан.

Но вместо воды...

из него поднимается мягкий свет.

Он не ослепляет.

Не мерцает.

Он словно дышит.

Бахтиёр подходит ближе.

Протягивает руку.

Свет касается ладони.

И в тот же миг...

на него обрушивается воспоминание.

Не картинка.

Не звук.

Чувство.

Такое сильное, что он невольно делает шаг назад.

Он знает этот свет.

Он тысячи раз проходил мимо него.

Когда?

Он не может ответить.

Но знает.

...

— Ты торопишься.

Голос звучит совсем рядом.

Бахтиёр оборачивается.

Позади стоит тот самый старик.

Но теперь он не в сером пальто.

На нем простая светлая одежда.

И почему-то именно сейчас он выглядит моложе.

Не лицом.

Взглядом.

— Я думал, что ищу тебя, — говорит Бахтиёр.

Старик мягко качает головой.

— Нет.

Это ты все время шел сюда.

— Тогда почему я ничего не помню?

Старик улыбается.

И отвечает вопросом:

— А ты помнишь свой первый шаг?

Бахтиёр растерянно молчит.

— Нет.

— Но ведь ты его сделал.

Старик подходит к фонтану.

Проводит рукой по свету.

— Не все самое важное человек получает через память.

Некоторые вещи он узнает, когда становится готов их узнать.

Бахтиёр хочет задать еще десятки вопросов.

Но вдруг замечает странность.

Старик смотрит не на него.

Он смотрит куда-то за его спину.

И впервые за все время его лицо становится серьезным.

— Сегодня тебе пора возвращаться.

— Нет.

Я только пришел.

— Именно поэтому.

Бахтиёр делает шаг вперед.

— Я должен узнать...

Старик поднимает руку.

И тихо произносит:

— Не торопись.

Ты снова начинаешь любить жизнь.

Это значит...

ты идешь правильно.

В тот же миг площадь начинает медленно исчезать.

Свет становится все ярче.

Голоса растворяются.

Последнее, что слышит Бахтиёр, — слова старика.

— В следующий раз...

ты вспомнишь не место.

Ты вспомнишь человека.

Старик замолчал.

На площади снова стало тихо.

Но это была не земная тишина.

Здесь тишина не казалась пустой.

Она словно была наполнена чьим-то присутствием.

Бахтиёр долго смотрел на фонтан света.

Потом неожиданно спросил:

— Почему здесь никто не удивляется мне?

Старик улыбнулся.

— А должен?

— Я ведь исчез очень давно...

Старик внимательно посмотрел ему в глаза.

— Для кого?

Бахтиёр хотел ответить.

Не смог.

— Здесь время течет иначе?

Старик покачал головой.

— Нет.

Ты просто продолжаешь измерять всё земными часами.

...

Они медленно пошли по улице.

Никто никуда не спешил.

Люди проходили мимо.

Некоторые кивали.

Некоторые улыбались.

И вдруг произошло то, чего Бахтиёр совсем не ожидал.

Навстречу бежала маленькая девочка.

Лет пяти.

Она смеялась.

За ней шла молодая женщина.

Девочка неожиданно остановилась прямо перед Бахтиёром.

Долго посмотрела на него.

Потом совершенно спокойно протянула ладонь.

— Ты вернулся.

Бахтиёр опустил на колени.

— Мы знакомы?

Девочка нахмурилась.

Словно вопрос показался ей странным.

— Конечно.

Потом она вдруг коснулась его щеки.

Совсем легко.

И побежала дальше.

Женщина, проходя мимо, только улыбнулась.

Никаких объяснений.

Будто всё происходящее было самым обычным делом.

...

Они снова остались вдвоем.

— Кто она?

— Неважно.

— Но она знает меня.

— Да.

— А я её нет.

Старик некоторое время молчал.

Потом тихо сказал:

— Именно поэтому ты сейчас на Земле.

...

Они вышли к небольшой площади.

Там росло огромное дерево.

Бахтиёр остановился.

Он смотрел на него так, словно видел старого друга.

Дерево было необычным.

Не формой.

Не цветом.

Оно казалось...

живым в каком-то другом смысле.

Будто оно помнило каждого, кто когда-либо сидел под его ветвями.

Бахтиёр медленно подошел.

Коснулся ладонью ствола.

И в тот же миг...

его сердце дрогнуло.

Перед глазами мелькнули десятки лиц.

Совсем незнакомых.

Мужчины.

Женщины.

Дети.

Старики.

Все они были связаны между собой.

Как...

одна семья.

Картина исчезла так же быстро, как появилась.

Он отдернул руку.

Тяжело дыша.

— Что это было?

Старик ответил почти шепотом.

— Память любви.

— Я ничего не понял.

— И не должен.

Пока.

...

Бахтиёр снова посмотрел на дерево.

И вдруг понял одну странную вещь.

За всё время, что он находился здесь...

он ни разу не почувствовал одиночества.

На Земле оно сопровождало его почти постоянно.

Даже среди людей.

Даже дома.

Даже на работе.

А здесь...

словно само понятие одиночества не существовало.

Он не выдержал.

— Что это за место?

Старик долго молчал.

Потом ответил.

Очень тихо.

Настолько тихо, что казалось, эти слова произносит не он.

— Это место...

где никто никому не чужой.

...

Бахтиёр медленно поднял голову.

И впервые...

посмотрел не на улицы.

Не на дома.

Не на людей.

Он посмотрел в небо.

Оно было удивительно глубоким.

Не голубым.

Не синим.

Ему вообще трудно было подобрать земное слово.

Но больше всего его поразило другое.

В этом небе...

не было солнца.

И не было луны.

Свет шел отовсюду.

Словно сам воздух был наполнен мягким сиянием.

Он стоял, не в силах отвести взгляд.

— Здесь никогда не бывает ночи?

Старик посмотрел туда же.

И впервые за всё время улыбнулся так, будто вспомнил что-то очень дорогое.

— Бывает.

Только не такая, как ты думаешь.

...

И в этот момент...

впервые за весь сон...

над городом медленно прозвучал колокол.

Один-единственный удар.

Глубокий.

Теплый.

Не тревожный.

Не торжественный.

Он будто проходил не через воздух.

А через самого Бахтиёра.

Старик закрыл глаза.

— Тебе пора.

На этот раз Бахтиёр не спорил.

Он уже понимал.

Это не приказ.

Это закон.

И пока свет вокруг медленно растворялся...

он успел задать последний вопрос.

— Я вернусь?

Старик посмотрел прямо ему в глаза.

И произнес:

Вернётся не тот человек, который пришёл сегодня.**

...

И только после этого мир начал медленно исчезать.

Глава 8

Прошло несколько месяцев.

Если бы кто-нибудь спросил Бахтиёра, когда именно изменилась его жизнь, он бы не смог ответить.

Не было одного большого события.

Жизнь менялась медленно.

Почти незаметно.

Как меняется время года.

Сначала он начал задерживаться на работе.

Потом Кельдияров все чаще просил его присутствовать на переговорах.

Еще через несколько недель стал поручать документы, которые раньше никому не доверял.

В один из вечеров, когда все уже разошлись по домам, Кельдияров неожиданно закрыл папку с документами и посмотрел на Бахтиёра поверх очков.

— Знаешь, почему я все чаще оставляю тебя после работы?

Бахтиёр пожал плечами.

— Потому что работы много.

Кельдияров улыбнулся.

— Нет.

Потому что ты научился слушать.

Большинство людей приходят ко мне уже с готовыми ответами.

А ты сначала пытаешься понять вопрос.

Таких людей очень мало.

Эти слова Бахтиёр запомнил надолго.

Весной компания выиграла крупный проект.

Самый большой за всю историю существования филиала в Наврузе.

Работы предстояло столько, что маленький офис перестал справляться.

Люди сидели почти вплотную друг к другу.

На подоконниках лежали папки.

Телефон звонил без остановки.

По вечерам они шутили, что скоро придется проводить совещания прямо во дворе.

Однажды утром Кельдияров вошел в кабинет необычно серьезным.

— Собирайтесь.

Через час едем в Ташкент.

Главный офис располагался в новом деловом центре.

Высокое стеклянное здание резко выделялось среди старых кварталов города.

Для Бахтиёра это был совсем другой мир.

Широкие холлы.

Лифты.

Конференц-залы.

Люди в строгих костюмах.

Все двигалось быстро, уверенно, словно каждый заранее знал свою роль.

После совещания генеральный директор компании неожиданно обратился к Кельдиярову:

— Это тот самый молодой специалист, о котором вы рассказывали?

— Да.

— Хорошо.

Пусть остается в Ташкенте.

Нам нужны такие люди.

Бахтиёр сначала решил, что ослышался.

Но Кельдияров только улыбнулся.

— Поздравляю.

Похоже, домой сегодня мы уже не вернемся.

Переезд занял почти месяц.

Кто-то перевозил документы.

Кто-то оборудование.

Кто-то искал жильё.

Последним закрывали маленький офис в Наврузе.

Вечером, когда грузчики вынесли последнюю коробку, Бахтиёр вернулся внутрь.

Комнаты опустели.

На полу остались только следы от столов.

Он медленно прошелся по коридору.

Сколько раз он спешил по нему с папками в руках...

Сколько раз нервничал перед совещаниями...

Сколько раз мечтал однажды попасть в большой офис в Ташкенте...

Теперь мечта сбылась.

Но вместо радости он почувствовал тихую благодарность.

Он оглянулся.

И почти шепотом сказал:

— Спасибо...

Он сам не понял, кому были адресованы эти слова.

Странному маленькому офису.

Городу.

Или тому молодому парню, который когда-то впервые переступил этот порог, ничего не умея и всего боясь.

Ветер, залетевший в открытое окно, медленно качнул дверь.

Она тихо закрылась.

Будто поставила точку.

В Ташкенте все происходило слишком быстро.

Новый кабинет.

Новые обязанности.

Новые люди.

Через несколько месяцев у него уже появился собственный помощник.

Потом секретарь.

Теперь почти каждый день начинался одинаково.

На столе лежал список встреч.

Телефон звонил с самого утра.

Дверь кабинета редко оставалась закрытой дольше пяти минут.

Со стороны могло показаться, что Бахтиёр получил именно ту жизнь, о которой мечтал.

Иногда он и сам пытался убедить себя в этом.

Но по вечерам, когда офис постепенно пустел, он подходил к огромному окну.

Под ним шумел вечерний Ташкент.

Машины тянулись бесконечными цепочками огней.

Город жил своей жизнью.

Бахтиёр долго смотрел вниз.

И все чаще ловил себя на странной мысли.

С каждым новым успехом...

сны становились все ярче.

Будто кто-то терпеливо ждал именно этого момента.

Будто внешняя жизнь должна была наконец обрести устойчивость, чтобы внутри него началось настоящее путешествие.

Однажды он задержался в кабинете допоздна.

Секретарь уже давно ушла домой.

В здании почти никого не осталось.

Он выключил настольную лампу.

Подошел к окну.

Город сиял тысячами огней.

И вдруг совершенно спокойно произнес вслух:

— Такое чувство...

будто всё это было нужно лишь затем, чтобы привести меня к чему-то другому.

Он еще не знал, насколько окажется прав.

Глава 9

Утро наступило необычайно тихо.

Бахтиёр проснулся за несколько минут до звонка будильника.

Несколько секунд он лежал неподвижно.

Не открывая глаз.

Он боялся одного.

Что воспоминание о сне исчезнет, как исчезали десятки других.

Но этого не произошло.

Он помнил.

Не всё.

Совсем немного.

Свет.

Фонтан.

Лицо старика.

Дерево.

И девочку.

Особенно девочку.

Он никак не мог понять, почему именно она не выходила

ИЗ ГОЛОВЫ.

Он никогда раньше ее не видел.

И в то же время был уверен:

она сказала правду.

«Ты вернулся.»

...

Он поднялся.

Подошел к окну.

За стеклом просыпался Ташкент.

Первые автобусы.

Дворники.

Запах влажного асфальта после ночного полива.

Все было обычным.

Но...

обычным уже не казалось.

Вчера ему впервые пришла странная мысль.

А что, если именно Земля — место, где человек постепенно забывает?

И если это так...

то почему?

...

Весь день прошел удивительно легко.

Будто внутри исчез какой-то постоянный шум.

Он спокойно решал вопросы.

Спокойно разговаривал с людьми.

Даже коллеги несколько раз заметили:

— Ты сегодня какой-то другой.

Бахтиёр только улыбался.

Он и сам чувствовал это.

Но объяснить не мог.

...

После обеда секретарь постучала в дверь.

— К вам посетитель.

— Кто?

— Не представился.

Сказал, что вы его не знаете.

— Тогда зачем пришел?

— Сказал...

что разговор займет две минуты.

Бахтиёр неожиданно вспомнил старика на заправке.

«Иногда две минуты меняют гораздо больше, чем два года.»

Он сам удивился своему ответу.

— Пусть зайдет.

...

В кабинет вошел мужчина лет пятидесяти.

Самая обычная внешность.

Таких людей невозможно описать.

Через пять минут уже не вспомнишь лицо.

Он сел.

Положил на стол небольшой конверт.

— Это вам.

— Что это?

— Не знаю.

Меня попросили передать.

— Кто?

Мужчина пожал плечами.

— Старик.

— Какой старик?

— Не знаю.

Он улыбнулся.

И добавил:

— Очень добрые глаза.

Бахтиёр почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Где вы его встретили?

— На вокзале.

Дня три назад.

Он подошел ко мне.

Спросил, еду ли я в Ташкент.

Потом попросил передать этот конверт человеку по имени Бахтиёр.

Я сначала решил, что он ошибся.

Но он назвал вашу фамилию.

Ваш адрес.

Даже этаж.

После этого отказаться было невозможно.

...

Бахтиёр осторожно взял конверт.

Самый обычный.

Без подписи.

Без марки.

Внутри лежал один-единственный лист.

Совершенно пустой.

Он перевернул его.

Ничего.

Посмотрел на свет.

Ничего.

Поднял глаза.

Мужчина уже собирался уходить.

— Подождите.

Вы больше ничего не помните?

Тот задумался.

— Помню одну странную вещь.

Он сказал...

— Что именно?

Мужчина нахмурился, будто вспоминая чужие слова.

И тихо произнес:

— «Он обязательно решит, что лист пустой.»

...

Дверь закрылась.

Бахтиёр остался один.

Он снова посмотрел на лист.

Белая бумага.

Ни единой буквы.

Он положил его на стол.

И неожиданно рассмеялся.

— Ну и что мне с тобой делать?

...

Вечером, уже дома, он машинально положил лист внутрь той самой старой книги.

Закрыл.

И ушел на кухню ставить чайник.

Через несколько минут вернулся.

Книга лежала там же.

Но лист...

исчез.

Бахтиёр быстро перелистал страницы.

Пусто.

Он перевернул книгу.

Ничего.

Лист исчез.

Совсем.

Не выпал.

Не потерялся.

Исчез.

...

И только тогда...

он заметил.

На странице, которая еще вчера была совершенно чистой...

появилась одна строка.

Совсем короткая.

«Память никогда не приходит одна.»

Ниже ничего не было.

Но Бахтиёр почему-то был уверен.

Этой надписи не существовало еще час назад.

...

Он осторожно закрыл книгу.

На этот раз...

без страха.

Вместо страха появилось другое чувство.

Ожидание.

Он уже не пытался догнать тайну.

Он словно понял:

тайна сама начинает идти ему навстречу.

Глава 10

Прошла неделя.

Потом еще одна.

Сны исчезли.

Не стали короче.

Не стали слабее.

Их просто не было.

Первые дни Бахтиёр даже испытывал облегчение.

Жизнь снова приобрела привычный ритм.

Работа занимала почти все время.

Утренние совещания.

Переговоры.

Подготовка проектов.

Телефон звонил с раннего утра и почти до самого вечера.

В новом офисе его уже воспринимали как одного из руководителей.

Он все чаще принимал решения самостоятельно.

Кельдияров почти перестал проверять его документы.

Однажды, возвращая подписанный договор, он лишь коротко сказал:

— Теперь ты уже не исполнитель.

Учись отвечать за людей.

Эти слова прозвучали без торжественности.

Будто речь шла о чем-то совершенно обычном.

Но именно в тот день Бахтиёр впервые почувствовал вес ответственности.

Он больше не работал только ради себя.

Каждое его решение касалось десятков людей.

И это изменило его.

Время шло.

Жизнь становилась насыщеннее.

Но вечерами, возвращаясь домой, он каждый раз ловил себя на одном и том же.

Перед тем как выключить свет, он на несколько секунд задерживал взгляд на кровати.

Будто ждал.

Что стоит только закрыть глаза...

и снова откроется тот мир.

Но ничего не происходило.

Он просыпался утром.

Без воспоминаний.

Без света.

Без улиц.

Без старика.

Иногда ему даже начинало казаться, что все это постепенно стирается.

Самым страшным оказалось не потерять сон.

Самым страшным оказалось начать забывать его.

Однажды ночью Бахтиёр проснулся сам.

Без причины.

В комнате было тихо.

За окном шел дождь.

Он посмотрел на часы.

Три часа семнадцать минут.

Сон не возвращался.

Он поднялся.

Прошел на кухню.

Поставил чайник.

И неожиданно поймал себя на мысли.

Он боится.

Не того мира.

А того, что больше никогда его не увидит.

Эта мысль поразила его своей честностью.

Еще месяц назад он мечтал избавиться от странных снов.

Теперь...

мечтал только об одном.

Чтобы они вернулись.

Хотя бы еще раз.

Через несколько дней он зашел в книжный магазин.

Совсем случайно.

Хотел купить ежедневник.

Пока продавец искал нужную модель, взгляд Бахтиёра остановился на полке с художественной литературой.

Он машинально провел рукой по корешкам книг.
И вдруг понял.
Он уже не помнит названия той самой книги.
Той, с которой всё началось.
Он помнил старика.
Помнил магазин.
Помнил запах старой бумаги.
Но название...
словно кто-то осторожно стер из памяти.
Бахтиёр закрыл глаза.
Напрягся.
Ничего.
Пустота.

В тот вечер он впервые не открыл старую книгу.
Она лежала на столе.
Совсем рядом.
Но он прошел мимо.
Будто понял одну простую вещь.
Если все время смотреть на закрытую дверь...
она не откроется быстрее.

Прошел еще почти месяц.
Жизнь окончательно вошла в привычное русло.

Иногда Бахтиёру становилось стыдно.

Он думал:

«Наверное, все действительно закончилось.

И я постепенно возвращаюсь к нормальной жизни.»

Но где-то глубоко внутри звучал другой голос.

Очень тихий.

Почти неслышимый.

«Нет.

Ты просто снова учишься ждать.»

В конце октября Кельдияров задержал его после совещания.

Они остались вдвоем.

В кабинете уже темнело.

— Устал? — неожиданно спросил Кельдияров.

— Немного.

— Это пройдет.

Потом станет еще тяжелее.

Он улыбнулся.

— Знаешь, чему меня научила жизнь?

Бахтиёр молча посмотрел на него.

— Самые важные вещи всегда приходят тогда...

когда ты перестаешь их торопить.

Кельдияров поднялся.

Взял пальто.

И ушел.

А Бахтиёр еще долго сидел неподвижно.

Потому что эта фраза прозвучала почти так же...
как говорил старик.

Домой он возвращался пешком.

Вечерний Ташкент жил своей обычной жизнью.

Люди спешили.

Автобусы были переполнены.

Уличные торговцы уже собирали товар.

Ничего необычного.

Он остановился у светофора.

Рядом стояла молодая мама с мальчиком лет восьми.

Мальчик крепко держал ее за руку.

Потом неожиданно посмотрел на Бахтиёра.

Долго.

Очень внимательно.

И вдруг...

улыбнулся.

Не так, как улыбаются незнакомым взрослым.

А так...

будто они уже виделись.

Светофор загорелся зеленым.

Женщина повела сына через дорогу.

Мальчик еще раз обернулся.

И поднял свободную руку.

Просто помахал.

Бахтиёр машинально ответил тем же.

Через несколько секунд толпа скрыла их.

Он стоял еще минуту.

Сам не понимая...

почему сердце вдруг стало биться чаще.

В тот вечер он лег спать без всякой надежды увидеть сон.

И именно поэтому... сон не пришел.

Зима пришла в Ташкент ночью.

Еще вчера асфальт был темным и влажным после дождя,

а утром город словно не узнал самого себя.

Бахтиёр стоял у огромного окна своего кабинета на двенадцатом этаже и молча наблюдал, как снег медленно ложился на город.

Он шел спокойно.

Без ветра.

Крупными хлопьями.

Будто небо никуда не спешило.

Внизу, на широком проспекте, машины двигались осторожнее обычного.

Красные огни стоп-сигналов растягивались длинной цепочкой.

Люди спешили к метро, кутаясь в шарфы и поднимая воротники пальто.

Кто-то прикрывал голову папкой с документами.

Кто-то смеялся, подставляя ладони под снег.

Мальчик лет десяти пытался поймать ртом падающие снежинки, а его мать, улыбаясь, торопила его через дорогу.

Ташкент никогда не казался Бахтиёру таким красивым.

Он вдруг подумал, что снег умеет делать удивительную вещь.

Он ненадолго примиряет город с самим собой.

Скрывает усталость старых домов.

Приглушает шум улиц.

Делает людей немного спокойнее.

Бахтиёр приложил ладонь к холодному стеклу.

И неожиданно поймал себя на мысли, что ощущение было очень похоже на то, которое он испытал возле фонтана света в Арсане.

Нет.

Не сам свет.

Тишина.

Та самая глубокая тишина, которая словно существует отдельно от звуков.

Он тихо улыбнулся.

Последний сон был больше месяца назад.

Иногда ему начинало казаться, что тот мир постепенно растворяется в памяти.

Но именно в такие минуты он понимал:

нет.

Не растворяется.

Он просто научился жить рядом с этим воспоминанием.

Стук в дверь вернул его в кабинет.

— Войдите.

Дверь осторожно открылась.

Секретарь заглянула внутрь.

— Бахтиёр Ака...

Кандидаты уже собрались.

Можете начинать собеседование.

Он еще раз посмотрел в окно.

Снег продолжал медленно укрывать город.

Почему-то именно сейчас ему пришла странная мысль.

Иногда жизнь меняется не тогда, когда человек принимает большое решение.

Иногда она меняется в самый обычный вторник.

Он выключил настольную лампу, взял папку с резюме и вышел из кабинета.

К обеду он устал.

Перед ним уже прошло больше десяти человек.

Все были вежливы.

Все подготовлены.

Все рассказывали почти одинаковые истории.

Опыт.

Обязанности.

Причины увольнения.

Планы.

Где-то на восьмом собеседовании Бахтиёр поймал себя на мысли, что перестал различать лица.

Он видел только документы.

Последний кандидат...

И можно будет сделать перерыв.

Секретарь открыла дверь.

— Проходите, пожалуйста.

Бахтиёр не поднял головы.

Он сделал пометку в предыдущем резюме.

— Добрый день.

Женский голос прозвучал удивительно спокойно.

Без волнения.

Без желания понравиться.

Просто...

спокойно.

— Добрый день...

Присаживайтесь.

Он поднял глаза.

...

И время остановилось.

Не в книгах.

Не в кино.

По-настоящему.

Всего на несколько секунд.

Перед ним сидела девушка.

Темные волосы были аккуратно собраны.

Светлый шерстяной жакет еще хранил на плечах несколько нерастаявших снежинок.

Наверное, она только что вошла с улицы.

Она сняла перчатки.

Осторожно положила их рядом с сумкой.

И только потом посмотрела ему прямо в глаза.

В этом взгляде не было ни смущения.

Ни уверенности.

Ни кокетства.

Только...

необъяснимое ощущение узнавания.

Словно два человека одновременно пытались вспомнить один и тот же сон.

Она первой отвела взгляд.

Потом негромко сказала:

— Простите...

Наверное, это прозвучит странно...

Но мне кажется...

мы уже встречались.

Бахтиёр почувствовал, как сердце неожиданно ударило сильнее.

Он понимал, что никогда раньше ее не видел.

И одновременно...

не мог отделаться от ощущения, что ждал именно эту

встречу.

Очень давно.

Возможно...

всю жизнь.

Он медленно покачал головой.

— Нет...

Наверное...

мы просто похожи на чьи-то воспоминания.

Он сам удивился своим словам.

Почему именно так?

Он не знал.

Но девушка вдруг улыбнулась.

И эта улыбка почему-то показалась ему удивительно родной.

Собеседование продолжалось почти сорок минут.

Они говорили о работе.

О документах.

Об организации офиса.

О людях.

Но Бахтиёр постоянно ловил себя на странном ощущении.

Он словно заранее знал, что она скажет через несколько секунд.

Не слово в слово.

Скорее...

СМЫСЛ.

И каждый раз ошибался лишь в мелочах.

Такого с ним не случилось никогда.

— Почему вы решили сменить работу? — спросил он.

Девушка ненадолго задумалась.

Потом честно ответила:

— Наверное, потому что устала жить с ощущением, будто нахожусь не на своем месте.

Последние несколько месяцев мне казалось...

что где-то есть дверь, в которую я никак не могу войти.

И когда увидела вакансию вашей компании...

почему-то решила попробовать.

Хотя сама не понимаю почему.

Бахтиёр долго молчал.

Потом тихо произнес:

— Иногда достаточно одного необъяснимого решения...

чтобы вся жизнь пошла по другому пути.

Она посмотрела на него с удивлением.

Будто хотела что-то спросить.

Но промолчала.

Когда собеседование закончилось, девушка поднялась.

Подошла к двери.

И вдруг остановилась.

Не оборачиваясь, сказала:

— Знаете...

У меня с детства есть странное чувство.

Будто я очень долго ищу одного человека.

Только никогда не знала...

кого именно.

Она улыбнулась.

Немного смущенно.

— Простите.

Наверное, это звучит глупо.

Бахтиёр смотрел на падающий за окном снег.

И почти шепотом ответил:

— Нет...

Совсем не глупо.

Иногда мне кажется...

что я тоже всю жизнь кого-то ищу.

Девушка ничего не ответила.

Только едва заметно кивнула.

И вышла.

Дверь тихо закрылась.

В кабинете снова стало тихо.

Бахтиёр медленно перевернул резюме.

Только сейчас он понял, что за все время разговора так и не посмотрел на первую строку.

Он прочитал имя.

Зарина Мардиева.

Он негромко повторил:

— Зарина...

И вдруг ему показалось...

будто он уже когда-то произносил это имя.

Очень давно.

Не вспоминал.

Не слышал.

Именно...

произносил.

Через несколько минут в кабинет вошел Кельдияров.

— Ну что?

Есть кто-нибудь достойный?

Бахтиёр молча протянул ему резюме.

Тот бегло просмотрел его.

— Неплохо.

Но есть кандидат с опытом намного сильнее.

Почему именно она?

Бахтиёр улыбнулся.

Впервые за весь день.

— Не знаю.

Но мне кажется...

если она сейчас уйдет...

мы потеряем гораздо больше, чем хорошего офис-менеджера.

Кельдияров внимательно посмотрел на него.

Потом на резюме.

Снова на Бахтиёра.

И неожиданно сказал:

— Иногда руководителю достаточно одного чувства.

Главное...

чтобы оно было настоящим.

Он положил папку на стол.

— Берем.

Когда рабочий день закончился, Бахтиёр снова подошел к окну.

Снег продолжал идти.

Весь город уже стал белым.

На площади перед метро тысячи следов переплетались между собой, словно чьи-то судьбы.

Он смотрел вниз.

И впервые за долгое время не думал об Арсане.

Потому что внутри появилось совсем другое чувство.

Будто жизнь...

только что открыла новую страницу.

И где-то очень глубоко...

почти неслышно...

кто-то улыбнулся.

Глава 11

Будильник зазвонил в половине шестого.

Зарина открыла глаза почти сразу.

За окном было еще темно.

Снег, начавшийся накануне вечером, продолжал медленно ложиться на старые крыши домов.

Она несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине.

Потом осторожно отбросила одеяло.

Главное — не разбудить маму.

Пол в комнате оказался холоднее обычного.

Она быстро накинула теплый халат и тихонько вышла в длинный общий коридор коммунальной квартиры.

В другом конце уже скрипнула дверь.

Кто-то из соседей тоже собирался на работу.

На общей кухне горел одинокий желтый свет.

Старенький чайник тихо начинал шуметь.

Зарина привычным движением поставила на плиту небольшую кастрюлю.

Пока закипала вода, открыла шкаф.

Чай.

Немного сахара.

Половина батона.

Сыр.

Она машинально подсчитала в уме, что вечером нужно будет обязательно зайти в магазин.

Хлеб почти закончился.

...

Вернувшись в комнату, она осторожно поправила маме одеяло.

Та спала беспокойно.

Последние годы суставы все чаще напоминали о себе.

На прикроватной тумбочке уже стоял стакан воды и коробочка с утренними таблетками.

Зарина всегда готовила их с вечера.

Чтобы мама ничего не перепутала.

Она тихонько улыбнулась.

— Доброе утро, мамочка...

Пусть мама еще спала.

Эти слова Зарина говорила каждое утро.

Уже много лет.

...

В соседней комнате слышались шаги.

Руслан.

Старший брат всегда вставал почти одновременно с ней.

Высокий.

Молчаливый.

С вечной усталостью в глазах.

Он работал много.

Иногда слишком много.

— Не спишь? — негромко спросил он.

— Уже давно.

Она поставила перед ним кружку горячего чая.

Руслан благодарно кивнул.

Они редко говорили по утрам.

Не потому, что были холодны друг к другу.

Просто оба понимали цену каждой лишней минуте сна.

...

Пока брат завтракал, Зарина быстро собрала свою сумку.

Ежедневник.

Ручка.

Перчатки.

Небольшой кошелек.

И отдельный конверт.

Внутри лежали деньги.

Сегодня нужно было оплатить часть рассрочки за стиральную машину.

Старая окончательно перестала работать месяц назад.

Мама долго сопротивлялась.

Говорила, что еще можно стирать руками.

Но Зарина только улыбнулась.

— Мам...

Ты всю жизнь стирала руками.

Теперь пусть машина поработает вместо тебя.

...

На стене висела фотография.

Старая.

Немного выцветшая.

На ней отец держал маленькую Зарину на руках.

Она редко задерживала на снимке взгляд.

Не потому, что не любила отца.

Просто почти не помнила его.

Иногда ей казалось, что память сохранила не человека.

А ощущение больших теплых ладоней.

И чей-то смех.

Совсем недолго.

Потом жизнь стала другой.

...

Перед выходом она снова заглянула к маме.

Та уже проснулась.

— Зарина...

Ты опять раньше всех?

— Как всегда.

— Ты хоть выспалась?

Зарина рассмеялась.

— Когда-нибудь обязательно.

Мама покачала головой.

— Девочка должна думать о себе.

А ты все обо всех.

Зарина присела рядом.

Поцеловала маму в лоб.

— А мне так спокойнее.

...

На улице было морозно.

Свежий снег приятно скрипел под ногами.

Она любила такие утра.

Город словно начинал жизнь заново.

На остановке уже собрались люди.

Кто-то нервно смотрел на часы.

Кто-то грел руки дыханием.

Маленькая девочка в яркой красной шапке пыталась поймать снежинки варежкой.

Зарина улыбнулась.

Иногда счастье действительно помещается в одну снежинку.

...

Автобус оказался переполненным.

Она ехала почти через весь город.

Прижав к груди сумку.

За окном медленно проплывал зимний Ташкент.

Большие проспекты.

Дворы.

Школы.

Люди.

Она думала о вчерашнем собеседовании.

Странно...

За все время она ни разу не вспомнила вопросы.

Только глаза того человека.

Спокойные.

Немного грустные.

И почему-то очень знакомые.

Она закрыла глаза.

Попыталась вспомнить, где могла его видеть раньше.

Не получилось.

Но чувство не исчезло.

Оно осталось рядом.

Будто старая мелодия, которую невозможно вспомнить до конца.

...

Автобус остановился.

Зарина открыла глаза.

До офиса оставалось пройти всего несколько минут.

Она поправила шарф.

Глубоко вдохнула морозный воздух.

И вдруг совершенно неожиданно подумала:

"Почему мне кажется... будто сегодня начинается не новая работа... а новая жизнь?"

Она сама улыбнулась этой мысли.

— Какие же странные мысли приходят зимой...

И пошла вперед.

Не зная, что совсем скоро судьба начнет переписывать историю не только ее жизни, но и жизни человека, которого она встретила вчера.

Автобус плавно отъехал от остановки.

Зарина еще несколько секунд смотрела ему вслед.

Потом поправила сумку на плече и медленно направилась к высокому стеклянному зданию.

В утреннем свете оно казалось еще выше.

Она остановилась у входа.

Несколько раз глубоко вдохнула.

— Ну что, Зарина...

Первый день.

Она всегда разговаривала сама с собой, когда волновалась.

Это помогало.

Словно рядом находился человек, который обязательно поддержит.

В просторном холле уже было многолюдно.

Кто-то прикладывал пропуск к турникету.

Кто-то торопился к лифтам.

Охранник улыбнулся.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Вы новенькая?

— Да.

— Тогда вам на двенадцатый этаж.

Лифт приехал почти сразу.

Внутри уже стояли несколько сотрудников.

Кто-то обсуждал вчерашний футбольный матч.

Кто-то пил кофе из бумажного стаканчика.

Зарина молча слушала.

Новый коллектив всегда немного похож на новую школу.

Кажется, что все давно знают друг друга.

А ты пока не знаешь никого.

...

Двери открылись.

На этаже царила удивительная тишина.

Только где-то далеко негромко работал принтер.

Она подошла к приемной.

За столом сидела молодая девушка.

— Вы, наверное, Зарина?

— Да.

— Добро пожаловать.

Меня зовут Дильноза.

Еще три дня я работаю здесь, а потом передаю все вам.

Она поднялась из-за стола.

— Не переживайте.

Ничего сложного нет.

Самое главное — привыкнуть к нашему ритму.

...

Первое, что удивило Зарину, — атмосфера.

Она ожидала увидеть строгий офис.

Холодный.

Безликий.

Но здесь было иначе.

Сотрудники здоровались друг с другом по имени.

Кто-то смеялся.

Кто-то помогал коллеге донести тяжелую коробку.

Даже уборщицу все называли по имени-отчеству.

Такие мелочи невозможно придумать.

Они рождаются только там, где люди действительно уважают друг друга.

И почему-то Зарине сразу стало легче.

...

Почти час Дильноза показывала ей документы.

Объясняла, как организован рабочий день.

Кто за что отвечает.

Какие привычки у сотрудников.

Какие поручения любит давать Кельдияров.

Какие — Бахтиёр.

— И самое главное...

Дильноза улыбнулась.

— Никогда не приносите Бахтиёр Ака чай, когда он смотрит в окно.

Зарина удивленно подняла глаза.

— Почему?

— Он в такие минуты вообще никого не замечает.

Не потому, что невежливый.

Просто...

словно думает о чем-то очень далеком.

Зарина невольно посмотрела в сторону его кабинета.

Дверь была закрыта.

И почему-то ей снова вспомнился вчерашний взгляд.

...

Ближе к полудню телефон неожиданно зазвонил.

Дильноза сняла трубку.

— Да, Бахтиёр Ака.

Хорошо.

Сейчас.

Она положила трубку.

Посмотрела на Зарину.

— Ваш первый экзамен.

Отнесите, пожалуйста, эти документы Бахтиёр Ака.

Ничего сложного.

Он должен их подписать.

...

Папка неожиданно показалась тяжелее обычного.

Не из-за бумаг.

Из-за волнения.

Зарина подошла к двери.

Легонько постучала.

— Можно?

Из кабинета сразу послышался знакомый голос.

— Войдите.

Она открыла дверь.

Бахтиёр стоял у окна.

И снова смотрел на снег.

Так же, как вчера.

Он обернулся.

На мгновение они оба замолчали.

Будто снова удивились этой встрече.

Потом Бахтиёр первым улыбнулся.

Совсем немного.

Но искренне.

— Доброе утро, Зарина.

— Доброе утро.

Она протянула папку.

— Документы на подпись.

Он взял папку.

Но почему-то не открыл ее сразу.

— Как первый день?

Она неожиданно перестала волноваться.

— Пока кажется...

что здесь работают хорошие люди.

Бахтиёр тихо усмехнулся.

— Значит, первое впечатление вас не обмануло.

...

Он подписал бумаги.

Вернул папку.

И уже когда Зарина собиралась выйти, неожиданно спросил:

— Вы любите снег?

Она остановилась.

Вопрос был настолько неожиданным, что она даже расте-

рялась.

Потом посмотрела в окно.

— Люблю.

Потому что он делает город добрее.

Бахтиёр медленно перевел взгляд на падающие снежинки.

И очень тихо сказал:

— Странно...

Я сегодня подумал точно так же.

...

Зарина вышла из кабинета.

Дверь мягко закрылась.

Она еще несколько секунд стояла в пустом коридоре.

Потом улыбнулась сама себе.

— Какие странные люди...

...

А в кабинете Бахтиёр снова подошел к окну.

Он смотрел на снег.

Но думал уже совсем не о нем.

Когда рабочий день закончился, за окнами уже совсем стемнело.

Снег не прекращался ни на минуту.

Он медленно кружился в свете фонарей, превращая вечерний Ташкент в совершенно другой город.

Сотрудники один за другим прощались и расходились.

Кто-то спешил к машине.

Кто-то — к автобусной остановке.

Кто-то громко обсуждал планы на выходные.

Зарина задержалась всего на несколько минут.

Она аккуратно разложила документы, выключила компьютер и еще раз осмотрела рабочий стол.

Ей всегда казалось, что порядок на столе помогает навести порядок в мыслях.

— До завтра, — улыбнулась Дильноза.

— До завтра.

— Не переживай. Через неделю будешь здесь как дома.

Зарина улыбнулась.

Она не стала говорить, что уже сегодня почувствовала себя здесь удивительно спокойно.

Словно попала в место, которое давно искала.

...

Выйдя на улицу, она подняла лицо к небу.

Снежинки тихо ложились на волосы и ресницы.

Она не стала открывать зонт.

Ей нравилось идти под снегом.

Он словно забирал с собой всю накопившуюся за день усталость.

До автобусной остановки было минут десять пешком.

Но Зарина, как обычно, свернула совсем в другую сторону.

В маленькую круглосуточную аптеку.

Дверной колокольчик тихо звякнул.

Пожилая провизор сразу улыбнулась.

— Добрый вечер, доченька.

— Добрый вечер, тетя Зульфия.

— Как мама сегодня?

— Получше. Но колени опять болят.

Женщина уже знала, какие лекарства нужны.

Она молча достала несколько упаковок.

Потом, немного подумав, положила рядом маленький тюбик мази.

— Это новое средство.

Попробуйте.

Если поможет — потом возьмете еще.

Зарина посмотрела на цену.

Немного помолчала.

Затем тихо спросила:

— Можно... в следующем месяце?

Провизор сделала вид, что не услышала вопроса.

Положила тюбик в пакет.

— Отдашь, когда сможешь.

Главное, чтобы мама меньше мучилась.

Зарина опустила глаза.

— Спасибо...

— Иди уже.

А то автобус пропустишь.

...

Следующей остановкой был небольшой продуктовый магазин.

Она долго выбирала яблоки.

Перебирала их так осторожно, словно каждое имело значение.

Потом взяла буханку свежего хлеба.

Пачку молока.

Чай.

Уже подходя к кассе, взгляд остановился на коробке шоколадных конфет.

Мама очень любила именно такие.

Зарина взяла коробку.

Посмотрела на цену.

Немного постояла.

Потом медленно положила ее обратно.

— В следующий раз...

тихо сказала она сама себе.

...

Дом встретил привычными звуками.

За стеной кто-то смотрел телевизор слишком громко.

В коридоре спорили соседи.

На кухне звенела посуда.

Все было как всегда.

И именно поэтому...

по-настоящему родным.

Едва она открыла дверь комнаты, мама сразу подняла голову.

— Пришла!

— Конечно.

Куда же я денусь?

Мама внимательно посмотрела на дочь.

Так умеют смотреть только матери.

Словно пытаются прочесть не лицо...

а сердце.

— Ну?

Как прошло?

Зарина сняла пальто.

Повесила его на старый крючок.

Долго молчала.

Потом неожиданно улыбнулась.

Так тепло, что мама сразу успокоилась.

— Мне кажется...

мне очень повезло.

Руслан, сидевший за столом с чашкой чая, поднял глаза.

— Коллектив хороший?

— Очень.

— Начальник строгий?

Зарина задумалась.

Этот вопрос оказался неожиданно трудным.

— Нет...

Не строгий.

Он...

она на секунду замолчала.

— Он какой-то...

грустный.

Будто очень давно кого-то ищет.

Руслан усмехнулся.

— За один день уже психологом стала?

Все рассмеялись.

И сама Зарина тоже.

— Может быть...

Просто показалось.

Но внутри она знала.

Нет.

Не показалось.

...

После ужина мама уснула рано.

Руслан еще сидел за старым ноутбуком, проверяя какие-то строительные сметы.

Зарина тихо открыла шкаф.

Достала небольшую жестяную коробку.

Внутри лежали несколько конвертов.

На каждом — аккуратная подпись ее рукой.

«Коммунальные».

«Лекарства».

«Рассрочка».

Она переложила часть зарплаты по конвертам.

Потом достала еще один.

Самый тонкий.

На нем было написано всего два слова.

«Дом маме».

Внутри лежало всего несколько купюр.

Очень немного.

Она пересчитала их.

Улыбнулась.

И добавила сегодняшние двести тысяч.

Потом закрыла конверт.

Осторожно провела по нему рукой.

Словно обещала самой себе:

"Когда-нибудь обязательно."

...

Перед сном Зарина подошла к окну.

За стеклом все еще падал снег.

Во дворе мальчишки лепили снеговика, несмотря на поздний час.

Кто-то смеялся.

Кто-то звал домой детей.

Обычный зимний вечер.

Она выключила свет.

Легла.

Закрыла глаза.

И неожиданно вспомнила сегодняшний вопрос Бахтиёра.

— **Вы любите снег?**

Почему именно этот вопрос?

Почему не про работу?

Не про опыт?

Не про документы?

Она улыбнулась в темноте.

— Странный человек...

прошептала она.

И впервые за долгое время заснула с ощущением, что завтрашний день принесет не только новые обязанности.

Но и что-то еще.

Что именно...

она пока не знала.

За окном продолжал тихо идти снег.

А где-то далеко, там, где человеческая память уже не могла дотянуться до собственного начала, две судьбы медленно делали первые шаги навстречу друг другу.

Глава 12

Первый день вместе

Снег шел уже третьи сутки.

Казалось, весь город незаметно замедлил шаг.

Машины двигались осторожнее.

Люди стали меньше смотреть по сторонам и чаще — себе под ноги.

Даже утренние пробки выглядели спокойнее обычного.

Бахтиёр приехал в офис раньше восьми.

Он любил это время.

Когда длинные коридоры еще пусты.

Когда кофемашина только начинает тихо гудеть.

Когда город за огромными окнами еще окончательно не проснулся.

Он снял пальто.

Положил на стол папку с документами.

И машинально потянулся к ежедневнику.

...

Замер.

Все бумаги лежали совсем не так, как вчера вечером.

Нет.

Ничего не пропало.

Наоборот.

Все оказалось разложено именно в том порядке, в котором ему предстояло работать сегодня.

Сверху — документы на подпись.

Ниже — проекты договоров.

Отдельно — письма, требующие срочного ответа.

Даже ручка лежала справа.

Именно там, где он всегда оставлял ее сам.

Бахтиёр несколько секунд молча смотрел на стол.

Потом едва заметно улыбнулся.

— Значит...

успела.

Он сразу понял, чья это работа.

И почему-то почувствовал странное удовольствие.

Не потому, что стало удобнее.

А потому, что кто-то сумел понять его привычки, не задав ни одного вопроса.

...

В дверь осторожно постучали.

— Доброе утро.

Зарина.

Она стояла на пороге с небольшой папкой в руках.

Сегодня на ней было светло-бежевое пальто, а волосы были собраны чуть иначе, чем вчера.

Почему-то именно такие мелочи замечаются неожиданно.

— Доброе утро.

Как добрались?

— Хорошо.

Автобусы сегодня даже раньше пришли.

Бахтиёр посмотрел в окно.

— Значит...

снег сегодня добрый.

Она улыбнулась.

— Наверное.

...

Наступила короткая тишина.

Неловкой она почему-то не казалась.

— Спасибо за порядок на столе, — сказал он.

Зарина немного смутилась.

— Простите...

Я подумала...

вам так будет удобнее.

— Вы правильно подумали.

И знаете...

Редко встречаются люди, которые замечают такие вещи.

Она ничего не ответила.

Только слегка кивнула.

И почему-то именно эта скромность понравилась Бахтиёру больше любых слов.

...

Через полчаса офис окончательно ожил.

Начали приходить сотрудники.

Из коридора доносились голоса.

Кто-то смеялся.

Кто-то уже спорил по телефону с поставщиками.

Возле кофемашины, как всегда, образовалась небольшая очередь.

— Доброе утро, Бахтиёр Ака!

— Доброе.

— Снег, похоже, решил остаться до весны!

— Тогда придется покупать лыжи.

Все рассмеялись.

...

— Зарина!

Из бухгалтерии выглянула невысокая женщина лет пятидесяти пяти.

— Идите сюда.

Не бойтесь.

Я не кусаюсь.

Это была Хамида-опа.

Главный бухгалтер.

Строгая.

Педантичная.

И знаменитая тем, что каждую пятницу приносила в офис домашнюю выпечку.

— Запоминайте сразу.

Если Бахтиёр Ака говорит "не срочно"...

значит сделать нужно сегодня.

Если говорит "когда будет время"...

значит еще вчера.

Из соседнего кабинета рассмеялся Азамат.

Водитель.

Высокий.

Широкоплечий.

С вечной улыбкой.

— Не слушайте ее!

Если она говорит "пирожков немного"...

значит съедим пять килограммов.

— Азамат!

— Молчу, Хамида-опа...

...

Через несколько минут Зарина уже знала половину офиса

по именам.

Ее удивило другое.

Здесь никто не пытался показать свое положение.

Начальник спокойно наливал себе кофе сам.

Инженер помогал занести коробки.

А Бахтиёр, проходя по коридору, первым поздоровался с
пожилой женщиной, которая мыла пол.

— Доброе утро, Саодат-опа.

Как ваше давление сегодня?

Женщина улыбнулась.

— Уже лучше, сынок.

Спасибо.

Зарина невольно остановилась.

Она смотрела вслед Бахтиёру.

И вдруг вспомнила слова своей мамы.

"Если хочешь узнать человека — посмотри, как он разговаривает с теми, кто не может быть ему полезен."

Она еще раз посмотрела в сторону его кабинета.

И впервые подумала:

"Наверное... вчера я не ошиблась."

В одиннадцать часов утра телефон на столе Зарины зазвонил почти одновременно с двумя внутренними линиями.

Она только успела поднять одну трубку, как в кабинет быстрым шагом вошла Хамида-опа.

— Зарина, срочно нужен договор с "UzMetallInvest".

— Сейчас найду.

Не успела она открыть шкаф с папками, как снова зазвонил телефон.

— Приемная...

Да...

Конечно...

Она подняла глаза.

— Бахтиёр Ака...

К вам приехали представители министерства.

Бахтиёр удивленно посмотрел на часы.

— Они должны быть через сорок минут.

— Говорят, освободились раньше.

И уже поднимаются.

...

В офисе сразу изменился воздух.

Кто-то побежал в переговорную.

Кто-то начал искать презентацию.

Кто-то вспомнил, что проектор вчера забрали в соседний отдел.

Азамат ворвался в кабинет.

— Бахтиёр Ака!

Машина с образцами еще не приехала!

...

Казалось, еще немного...

и весь тщательно выстроенный порядок рассыплется.

...

Зарина несколько секунд молча наблюдала за происходящим.

Потом очень спокойно сказала.

— Хамида-опа.

Вы подготовьте финансовые документы.

Тимур...

Пожалуйста, займитесь проектором.

Азамат-ака...

Позвоните водителю.

Пусть сразу разгружает у центрального входа.

Я встречу гостей.

Все неожиданно замолчали.

Никто не ожидал, что новенькая начнет отдавать распоряжения.

Но...

что-то в ее голосе не оставляло желания спорить.

Через несколько секунд каждый уже занимался своим делом.

Через пять минут двери лифта открылись.

Вышли четверо гостей.

Зарина первой сделала шаг навстречу.

— Добро пожаловать.

Прошу прощения, что заставили немного подождать.

Разрешите помочь с верхней одеждой.

Она говорила так спокойно...

словно работает здесь уже несколько лет.

И именно в этот момент Бахтиёр впервые понял.

Эта девушка умеет не только создавать порядок.

Она умеет...

создавать спокойствие.

Совещание прошло неожиданно легко.

Все документы оказались на месте.

Проектор заработал.

Презентация открылась.

Даже образцы успели привезти вовремя.

Когда гости уехали...

в офисе одновременно выдохнули.

Азамат первым нарушил тишину.

— Ну...

Новенькая...

Ты нас сегодня спасла.

Хамида-опа усмехнулась.

— Я же говорила...

Спокойные люди опаснее паникеров.

Все рассмеялись.

Зарина смутилась.

— Да ничего особенного...

Просто...

надо было быстро решить.

После обеда секретарь сообщила.

— Бахтиёр Ака...

Кельдияров просит вас зайти.

...

Кабинет Кельдиярова всегда казался особенным.

Не потому, что был большим.

А потому, что здесь никогда не говорили лишних слов.

Он сидел у окна.

Пил чай.

Даже не посмотрел на Бахтиёра.

— Присядь.

...

Несколько секунд молчания.

Потом неожиданно спросил.

— Как тебе новенькая?

Бахтиёр улыбнулся.

— Работает второй день.

А ощущение...

будто была здесь всегда.

Кельдияров кивнул.

— Именно.

...

Еще немного помолчал.

Потом сказал фразу, которая осталась в памяти Бахтиёра на долгие годы.

— Есть люди...

которые умеют выполнять работу.

А есть люди...

рядом с которыми остальные начинают работать лучше.

Береги таких.

...

Бахтиёр задумался.

— Думаете, она именно такая?

Кельдияров улыбнулся.

— Думаю...

ты это уже понял.

Вечером офис почти опустел.

Бахтиёр вышел из кабинета последним.

Свет в приемной еще горел.

Зарина аккуратно складывала папки на завтра.

— Вы еще здесь?

Она подняла голову.

— Хотела закончить.

Он посмотрел на часы.

— Уже почти восемь.

Домой тоже нужно успевать.

Она улыбнулась.

— Учусь.

Он рассмеялся.

— Хорошо.

Тогда пойдете.

Я тоже уже закончил.

Они вместе вышли из офиса.

На улице снова шел снег.

Очень тихий.

Они молча дошли до остановки.

Минут пять не произнесли ни слова.

И вдруг Зарина сказала.

— Странно...

Бахтиёр вопросительно посмотрел на нее.

— Рядом с вами очень спокойно молчать.

Он не ответил сразу.

Потом улыбнулся.

Той самой улыбкой, которую почти никто никогда не видел.

— Это...

самый необычный комплимент, который я слышал в своей жизни.

Подъехал автобус.

Двери открылись.

Зарина поднялась на ступеньку.

Потом неожиданно обернулась.

— До завтра, Бахтиёр Ака.

— До завтра, Зарина.

Автобус медленно тронулся.

Бахтиёр еще долго стоял на остановке.

Хотя давно мог уйти.

Он смотрел вслед удаляющимся красным огням.

И впервые за очень долгое время...

не думал ни об Арсане.

Ни о старике.

Ни о прошлом.

Он думал о том, что иногда жизнь меняется совсем незаметно.

Не в тот день, когда происходят великие события.

А в тот...

когда рядом появляется человек, рядом с которым становится спокойно молчать.

Глава 13

Вселенная по имени Зарина

Зима окончательно вошла в город.

Ночью снег перестал идти, и теперь весь Ташкент казался нарисованным тонкой белой кистью.

Крыши домов.

Деревья.

Скамейки.

Даже старые дворы, которые летом казались усталыми, теперь выглядели удивительно чистыми.

Зарина всегда любила такие утра.

Не потому, что ей нравился холод.

А потому что снег умел делать мир немного тише.

Будильник показывал без четверти семь.

Сегодня был выходной.

Можно было поспать.

Но привычка оказалась сильнее.

Она медленно открыла глаза и еще несколько секунд смотрела в потолок.

Из кухни уже доносился знакомый запах свежесваренного чая.

Мама тоже проснулась.

Зарина улыбнулась.

— Опять раньше меня...

Она встала.

Подошла к окну.

Пальцем нарисовала небольшое прозрачное пятнышко на запотевшем стекле.

Во дворе мальчишки уже лепили снеговика.

Кто-то смеялся.

Кто-то бросался снежками.

И почему-то именно такие обычные картины всегда заставляли ее улыбаться.

Она открыла шкаф.

Небольшой.

Старый.

Но внутри все лежало так аккуратно, словно каждая вещь имела свое собственное место.

Зарина никогда не покупала одежду спонтанно.

Она долго выбирала.

Сравнивала ткань.

Швы.

Фурнитуру.

Цвет.

Когда-то, работая продавцом-консультантом в магазине одежды, она поняла одну простую истину:

дорогая вещь далеко не всегда красивая.

А красивая вещь далеко не всегда дорогая.

Она достала темно-синее шерстяное платье.

Провела ладонью по ткани.

Улыбнулась.

Купила его почти год назад на большой распродаже.

Потом долго подгоняла длину сама.

Перешивала пуговицы.

Меняла пояс.

Теперь никто бы не поверил, сколько оно стоило на самом деле.

Следом появилось светлое кашемировое пальто.

Аккуратно вычищенное.

Всегда ухоженное.

И мягкий кремовый шарф.

Подарок мамы.

Она подошла к зеркалу.

На мгновение задержалась.

Не потому, что любовалась собой.

Просто проверяла, всё ли в порядке.

Длинные густые темно-каштановые волосы свободно легли на плечи.

Через несколько минут она привычным движением собрала их в аккуратный низкий хвост.

Так было удобнее.

Большие карие глаза казались особенно глубокими в утреннем свете.

Иногда мама говорила, что они похожи на глаза бабушки.

Такие же спокойные.

Такие же внимательные.

Естественные брови с мягким изгибом почти не нуждались в уходе.

На лице почти не было косметики.

Немного туши.

Совсем чуть-чуть блеска для губ.

Этого ей всегда казалось достаточно.

Красота не должна кричать.

Она должна жить спокойно.

Зарина улыбнулась своему отражению.

На щеках появились едва заметные ямочки.

— Ну вот...

Теперь можно встречать новый день.

— Доченька!

Голос Ирины Яковлевны донесся с кухни.

— Чай остывает!

— Уже иду!

Зарина быстро надела теплые домашние тапочки и вышла в длинный общий коридор коммунальной квартиры.

Двери соседей уже были открыты.

Где-то громко играло радио.

Кто-то спорил из-за очереди в ванную.

Маленький мальчик в полосатой пижаме катил по коридору пластмассовую машинку.

Он увидел Зарину и широко улыбнулся.

— Привет!

— Доброе утро, чемпион.

Она присела.

Поправила съехавший шарф на его шее.

— Не замерзни.

Мальчик серьезно кивнул.

Будто получил очень важное поручение.

Когда Зарина вошла на кухню, мама уже разливала чай.

Ирина Яковлевна была удивительно красивой женщиной даже сейчас.

Возраст оставил серебро в волосах.

Добавил морщинки возле глаз.

Но не смог забрать главное.

Доброту.

Она улыбнулась дочери.

— Опять без косметики?

Зарина рассмеялась.

— Мам...

Ты же сама говоришь, что лучше поспать лишние десять минут.

— Говорю.

Но иногда можно и ресницы подкрасить.

— Уже подкрасила.

Мама внимательно посмотрела.

Потом засмеялась.

— Никогда не замечаю.

— Потому что хорошая косметика должна быть незаметной.

Они обе рассмеялись.

И в этот момент в кухню вошел Руслан.

— О чем спор?

— О красоте.

— Тогда я точно лишний.

Он налил себе чай.

— По-моему, вы обе красивые.

И вообще...

главное, чтобы плов вкусный был.

Зарина бросила в него кухонное полотенце.

Руслан ловко поймал его.

— Вот видишь.

Характер у тебя точно мамин.

После завтрака они втроем вышли из дома.

Снег уже почти перестал идти.

Воздух стал прозрачным, а мороз — совсем легким, та-

ким, который не обжигает лицо, а только напоминает о зиме.

Ирина Яковлевна привычно поправила воротник дочери.

— Ты опять шарф плохо завязала.

— Мам...

— Что «мам»? Простудишься.

Руслан тихо усмехнулся.

— Ей девятнадцать лет.

— Для меня ей всегда будет пять.

Зарина рассмеялась и обняла мать за плечи.

— Хорошо, хорошо...

Поправляй.

Ты же без этого не можешь.

Ирина Яковлевна сделала вид, что сердится.

Но глаза уже улыбались.

...

Они пошли пешком.

До ближайшего базара было около двадцати минут.

Руслан всегда предлагал взять такси.

Мама всегда отказывалась.

— Пока ноги ходят, надо ходить.

— А потом?

— Потом будем ездить.

Все трое знали, что этот спор повторится еще сотни раз.

И каждый раз закончится одинаково.

...

Улица постепенно оживала.

Открывались небольшие магазины.

Продавцы сметали снег со ступенек.

Из маленькой пекарни доносился запах горячего хлеба.

Зарина невольно остановилась.

— Мам...

Чувствуешь?

Ирина Яковлевна улыбнулась.

— Конечно.

Свежий хлеб невозможно не почувствовать.

— Помнишь...

Папа всегда покупал лепешку по дороге домой?

...

Руслан слегка опустил глаза.

Такие разговоры случались редко.

Очень редко.

Ирина Яковлевна несколько секунд молчала.

Потом тихо ответила:

— Помню...

Очень хорошо помню.

Зарина больше ничего не сказала.

Она не любила долго жить прошлым.

Но запах свежего хлеба всегда возвращал ее туда, где семья еще была полной.

На рынке было многолюдно.

Руслан сразу взял две тяжелые сумки.

— Девочки идут выбирать.

Я таскаю.

Как обычно.

— Потому что ты мужчина, — спокойно сказала мама.

— Вот именно.

Эксплуатация.

Зарина рассмеялась.

— Не ворчи.

Мы потом тебя самсой покормим.

— Тогда согласен.

...

Они долго выбирали овощи.

Торговались.

Обсуждали, где помидоры слаще.

Какая зелень свежее.

Мама удивительно легко находила общий язык со всеми продавцами.

Через пять минут разговора казалось, что они знакомы много лет.

Зарина всегда восхищалась этим.

Ей самой такая легкость не давалась.

Она была немного другой.

Больше слушала.

Меньше говорила.

Когда покупки были почти закончены, Зарина неожиданно остановилась возле небольшого магазина одежды.

На витрине висело теплое шерстяное пальто.

Очень простое.

Но с идеально скроенным воротником.

Она внимательно посмотрела на швы.

Потом на ткань.

Улыбнулась.

Руслан сразу заметил.

— Хочешь примерить?

— Нет.

Просто хорошая работа.

— Ты это с пяти метров определила?

— Конечно.

Смотри...

Видишь, как воротник ложится?

А строчка?

И ткань...

Это шерсть с небольшим добавлением кашемира.

Руслан покачал головой.

— Я никогда этого не пойму.

— Потому что ты смотришь на одежду.

А я...

на человека, который будет ее носить.

...

Она вошла в магазин.

Через несколько минут уже помогала пожилой женщине выбрать пальто.

Не потому, что работала там.

Просто продавец никак не мог объяснить разницу между двумя моделями.

Зарина улыбнулась.

— Можно?

Она аккуратно расправила ткань.

Показала, как сидят плечи.

Какой цвет делает лицо свежее.

Почему один фасон прослужит дольше другого.

Женщина слушала очень внимательно.

В конце концов купила совсем не то пальто, которое собиралась покупать сначала.

Перед уходом продавец неожиданно сказал:

— Девушка...

Вы случайно не стилист?

Зарина рассмеялась.

— Нет.

Просто раньше работала в магазине одежды.

— Заметно.

...

Когда они вышли на улицу, мама тихо посмотрела на дочь.

— Ты опять помогла бесплатно.

— Ну и что?

— Могла бы деньги за консультации брать.

— Мам...

Если человек ушел счастливым...

разве этого мало?

Ирина Яковлевна ничего не ответила.

Только украдкой посмотрела на Руслана.

Тот едва заметно улыбнулся.

Они оба знали.

Переубедить Зарину невозможно.

Если она могла сделать кому-то день немного лучше...

она делала.

Через несколько кварталов Зарина неожиданно остановилась.

Сняла перчатку.

Достала из сумки небольшой старенький фотоаппарат.

Не телефон.

Именно фотоаппарат.

Руслан удивился.

— Опять?

Она ничего не ответила.

Несколько секунд смотрела на старый дом.

На потрескавшуюся кирпичную стену.

Солнце неожиданно вышло из-за облаков.

И тонкий луч света лег прямо на старое окно.

Щелк.

Зарина опустила фотоаппарат.

Руслан подошел ближе.

— Что ты там увидела?

Она еще несколько секунд смотрела на окно.

Потом тихо сказала:

— Свет...

Он ведь никогда не ложится одинаково.

Руслан пожал плечами.

— Никогда тебя не пойму.

Зарина улыбнулась.

— Я и сама себя иногда не понимаю.

Вечером, когда мама уже смотрела старый фильм, а Руслан чинил электрический чайник, Зарина тихо закрыла дверь своей комнаты.

Из-под кровати она достала большую картонную папку.

Очень старую.

Потертую по углам.

На ней не было никаких надписей.

Внутри лежали десятки рисунков.

Карандаш.

Уголь.

Акварель.

Иногда простая шариковая ручка.

Она медленно перебирала листы.

Старый маяк.

Незнакомая лестница.

Каменный мост.

Высокое дерево с необычно светлой кроной.

Озеро.

Человек, сидящий спиной.

Лицо невозможно рассмотреть.

Она остановилась именно на этом рисунке.

Долго смотрела.

Потом тихо прошептала:

— Странно...

Мне кажется...

я уже где-то это видела...

Но где?

Она не знала.

И не могла знать.

Никто не мог.

Потому что это место не существовало ни на одной карте
мира.

Пока.

Она достала чистый лист.

Заточила карандаш.

Закрыла глаза.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Потом начала рисовать.

Линия за линией.

Штрих за штрихом.

Рука двигалась так уверенно, словно не придумывала рисунок.

А вспоминала его.

За окном медленно темнело.

Музыка в одном наушнике давно закончилась.

Но Зарина этого даже не заметила.

Она рисовала свет.

Не солнце.

Не лампу.

Именно свет.

Так, как чувствовала его только она.

Дома стало тихо только к вечеру.

Ирина Яковлевна ушла в комнату смотреть старый советский фильм, который знала почти наизусть.

Руслан, как обычно, возился с бытовыми мелочами.

Сегодня он решил окончательно починить старую настольную лампу.

— Я же говорил, она еще поработает, — донеслось из соседней комнаты.

— Только не разбери ее окончательно, — с улыбкой ответила мама.

— Не переживай.

Я инженер... в душе.

— Ты сварщик.

— Это детали.

Зарина тихо рассмеялась.

Такие разговоры повторялись почти каждую неделю.

Именно из таких мелочей складывался их дом.

Не стены.

Не мебель.

Не вещи.

А привычные голоса.

Она осторожно закрыла дверь своей комнаты.

Это была совсем небольшая комната.

У окна стоял письменный стол.

Слева — книжный шкаф, который Руслан когда-то собрал собственными руками.

Возле кровати — старое кресло.

Мама несколько раз предлагала заменить его.

Но Зарина всегда отказывалась.

Именно в этом кресле она читала книги.

Рисовала.

Слушала музыку.

Иногда просто сидела с кружкой горячего чая и смотрела, как за окном идет дождь.

У каждого человека есть место, где ему особенно спокойно.
но.

Для Зарины таким местом было именно это кресло.

Она включила небольшую настольную лампу.
Теплый желтый свет сразу сделал комнату уютнее.
Из сумки появился старенький музыкальный плеер.
Белые проводные наушники.
Совсем не новые.
Но любимые.

Она вставила один наушник.
Второй так и остался свободно лежать на плече.
Заиграла тихая инструментальная музыка.
Без слов.

Она редко слушала песни.
Слова иногда отвлекали.
Музыка же позволяла думать.
В комнату осторожно постучала мама.

— Можно?
— Конечно.

Ирина Яковлевна вошла с двумя кружками чая.
Одну молча поставила на стол.
Другую оставила себе.

Она никогда не спрашивала разрешения посмотреть рисунки дочери.

Потому что знала.

Если Зарина захочет показать...

сама покажет.

Они долго молчали.

Каждая думала о своем.

Иногда самые близкие люди умеют молчать красивее любых разговоров.

...

Мама первой нарушила тишину.

— На работе понравилось?

Зарина кивнула.

— Очень.

— Люди хорошие?

— Очень хорошие.

— Начальник строгий?

Она неожиданно улыбнулась.

— Нет...

Он...

немного странный.

Ирина Яковлевна рассмеялась.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо.

Он много думает.

Иногда кажется...

будто смотрит не на человека.

А немного дальше.

Мама внимательно посмотрела на дочь.

— Ты уже успела его изучить?

— Нет...

Просто...

так почувствовала.

Мама осторожно взяла один из рисунков.

На нем был изображен зимний парк.

Снег.

Фонари.

Одинокая деревянная скамейка.

Никого.

— Красиво...

— Правда?

— Очень.

Но...

Мне всегда кажется...

что на твоих рисунках кто-то должен появиться.

Зарина задумалась.

Посмотрела на скамейку.

Потом тихо сказала:

— Наверное...

Я сама кого-то жду.

...

Эти слова прозвучали настолько спокойно, что мама не

придала им значения.

Она лишь погладила дочь по волосам.

— Обязательно дождешься.

Каждый человек однажды встречает своего.

После ухода мамы Зарина долго сидела неподвижно.

Потом открыла чистый лист.

Взяла карандаш.

Закрыла глаза.

Музыка продолжала тихо звучать.

Она сделала первый штрих.

Потом второй.

Третий.

Через несколько минут на бумаге начал появляться силуэт.

Она сама не понимала, что рисует.

Рука двигалась свободно.

Словно не подчинялась разуму.

Спустя полчаса рисунок был почти закончен.

Зарина медленно открыла глаза.

Замерла.

Перед ней снова оказался тот самый мост.

Но теперь...

на другом его конце стояла человеческая фигура.

Совсем маленькая.

Лицо было невозможно рассмотреть.

Только длинное темное пальто.

И ощущение...

будто этот человек ждал уже очень давно.

Зарина долго смотрела на рисунок.

Потом негромко прошептала:

— Кто ты?..

Ответом была тишина.

Она осторожно убрала рисунок в папку.

Не подозревая, что впервые за многие годы нарисовала не просто место.

Она нарисовала...

ожидание.

За окном медленно начинался снег.

Первый вечерний снег всегда падал особенно красиво.

Крупные хлопья лениво кружились под светом фонарей.

Зарина выключила лампу.

Подошла к окну.

Прижалась ладонью к холодному стеклу.

И неожиданно подумала:

*"Почему мне кажется, что где-то сейчас есть человек...
который смотрит на этот же снег?"*

Она сама тихо улыбнулась.

— Глупости...

Наверное, это просто музыка навеяла...

Но ощущение не исчезло.

Оно осталось где-то глубоко внутри.

Тихое.

Спокойное.

Почти родное.

Глава 14

Понедельник всегда приходил слишком быстро.
Казалось, выходные длились всего несколько часов.

Город снова проснулся раньше солнца.

Автобусы были переполнены.

Люди спешили, прятали лица в шарфы и воротники пальто.

Кто-то пил кофе прямо на ходу.

Кто-то торопливо разговаривал по телефону.

Кто-то молча смотрел перед собой, словно еще не успел окончательно проснуться.

Ташкент возвращался к своему привычному ритму.

...

В офисе жизнь начиналась так же.

Азамат уже громко спорил с кем-то по телефону.

Хамида-опа раскладывала по столу документы и одновременно пыталась накормить всех домашними самсами.

Из кабинета инженеров доносился смех.

Кто-то снова рассказывал старый анекдот.

— Если вы смеетесь над ним уже десятый раз, — пробурчала Хамида-опа, — значит возраст пришел.

— Нет, — не сдавался Азамат. — Просто анекдот хороший.

— Хороший был лет пять назад.

Офис снова жил своей обычной жизнью.

Именно такой жизнью, в которой человеку неожиданно становится спокойно.

...

Зарина вошла почти незаметно.

Как всегда.

Сначала сняла один наушник.

Аккуратно свернула провод.

Положила плеер в сумку.

Только потом открыла дверь приемной.

Это движение уже начинало превращаться в привычный ритуал.

Будто вместе с музыкой она оставляла за дверью все свои мысли.

Теперь начинался рабочий день.

— Доброе утро.

— Доброе утро, Зарина!

— Доброе утро!

Она улыбнулась каждому.

И, как всегда, сначала заглянула в кабинет Саодат-опа.

— Доброе утро.

Как вы сегодня?

Пожилая женщина подняла голову.

— Спасибо, доченька.

Сегодня давление почти не беспокоит.

— Значит, день будет хорошим.

Саодат-опа ласково улыбнулась.

— После таких слов — обязательно.

...

Бахтиёр приехал чуть позже.

Необычно поздно для себя.

Почти одновременно с ним в приемную вошел курьер.

Телефон уже звонил.

Компьютер загружался.

На столе лежала папка с пометкой «Срочно».

Но сегодня было что-то еще.

Что-то едва заметное.

Зарина посмотрела на него всего секунду.

И вдруг поняла.

Сегодня он улыбнулся не так.

Точнее...

почти совсем не улыбнулся.

...

Она несколько раз хотела спросить.

Потом передумала.

Может быть, просто устал.

...

Прошел почти час.

Вопрос так и остался внутри.

...

Около одиннадцати Бахтиёр вышел из кабинета.

В руках — кружка уже давно остывшего кофе.

Он подошел к окну.

Посмотрел на город.

Так же, как делал почти каждый день.

Зарина случайно подняла глаза.

И неожиданно поймала себя на мысли...

что он смотрит не на улицу.

Он словно...

что-то ищет.

Или...

кого-то ждет.

Это ощущение было настолько странным, что она тут же отогнала его.

"Какие глупости..."

Она снова вернулась к работе.

Но мысль осталась.

...

После обеда сотрудников почти не было.

Кто-то уехал на встречу.

Кто-то вышел пообедать.

В приемной стало удивительно тихо.

Зарина аккуратно разбирала входящую почту.

Вдруг дверь кабинета открылась.

— Зарина...

Можно вас на минуту?

— Конечно.

Она вошла.

На столе лежали несколько договоров.

— Их нужно зарегистрировать.

— Хорошо.

Она уже собиралась выйти.

Но неожиданно услышала.

— Подождите...

Она обернулась.

Бахтиёр несколько секунд молчал.

Будто сам не понимал, зачем остановил ее.

Потом неожиданно спросил:

— Вы... рисуете?

...

Зарина даже не сразу поняла вопрос.

— Простите?..

— Не знаю, почему спросил...

Просто...

показалось.

Она удивленно смотрела на него.

Внутри словно что-то дрогнуло.

— Да...

Иногда рисую.

Совсем немного.

Теперь удивился уже Бахтиёр.

— Значит...

не показалось.

— А почему вы спросили?

Он улыбнулся.

Но очень растерянно.

— Если честно...

Я сам не знаю.

Мне вдруг показалось...

что человек, который так внимательно смотрит на свет за

ОКНОМ...

обязательно должен рисовать.

...

Наступила тишина.

Не неловкая.

Та, которая иногда возникает между людьми неожиданно.

Зарина тихо улыбнулась.

— Странное у вас наблюдение.

— Возможно.

Она уже взялась за ручку двери.

И вдруг сказала, не оборачиваясь:

— Вы тоже иногда смотрите не на город.

А... дальше него.

...

И вышла.

...

Бахтиёр остался один.

Он еще долго смотрел на закрывшуюся дверь.

"Дальше города..."

Он никогда никому не говорил, что именно так ощущал

СВОИ ВЗГЛЯДЫ.

Откуда она это почувствовала?

Ответа не было.

Вечер

Рабочий день закончился.

Дом встретил Бахтиёра непривычной тишиной.

Он поужинал почти машинально.

Даже не включил телевизор.

Снег за окном снова пошел.

Крупный.

Редкий.

Он долго стоял у окна.

Потом лег.

И почти сразу уснул.

...

В этот раз сон пришел иначе.

Не было темноты.

Не было привычного ощущения падения.

Только...

ветер.

Теплый.

Совсем не зимний.

Он шел по огромному полю.

Трава тихо качалась.

Где-то далеко пели птицы.

Впереди виднелось большое дерево.

Такое огромное, что его крона словно соединяла землю и

небо.

Под деревом кто-то стоял.

Женская фигура.

Спиной.

Длинные волосы слегка колыхались от ветра.

Она не двигалась.

Будто знала, что он придет.

Бахтиёр сделал шаг.

Потом еще один.

Сердце вдруг забилося быстрее.

Он не понимал почему.

Оставалось всего несколько метров.

Женщина медленно повернула голову.

Но лицо скрывал яркий свет.

Невозможно было рассмотреть ни одной черты.

И тогда...

она тихо сказала:

— **Ты опять идешь один...**

Голос показался удивительно знакомым.

Настолько знакомым, что внутри что-то болезненно сжалось.

— Подождите...

Кто вы?..

Женщина чуть заметно улыбнулась.

И произнесла всего одну фразу:

— **Не бойся вспоминать.**

...

Ветер вдруг стал сильнее.

Свет вспыхнул так ярко, что исчезло всё.

Бахтиёр резко открыл глаза.

За окном уже начинался рассвет.

Он сел на кровати.

Сердце все еще билось быстрее обычного.

Он попытался вспомнить лицо женщины.

Не смог.

Запомнился только голос.

И странное чувство...

Будто он только что разговаривал не с незнакомкой.

А с человеком, которого когда-то очень любил.

...

Он сделал небольшой глоток чая.

Потом неожиданно спросил:

— Ты когда-нибудь замечал...

что некоторые люди появляются в нашей жизни именно

тогда, когда мы готовы их встретить?

Бахтиёр задумался.

Перед глазами неожиданно всплыла утренняя сцена.

Один наушник.

Спокойный взгляд.

Фраза:

"Будто вы откуда-то вернулись..."

Он медленно кивнул.

— Наверное...

да.

Кельдияров внимательно посмотрел на него.

— Никогда не относись к таким встречам легкомысленно.

Иногда...

они меняют всю жизнь.

...

Бахтиёр хотел спросить:

"Вы сейчас о ком?"

Но почему-то промолчал.

Потому что вдруг испугался услышать ответ.

Рабочий день закончился непривычно спокойно.

Даже Азамат, надевая куртку, удивленно покачал головой.

— Что-то подозрительно тихо сегодня.

Хамида-опа улыбнулась.

— Иногда Господь тоже дает бухгалтерии отдохнуть.

— Не сглазьте только.

Все рассмеялись.

...

Зарина выключила компьютер.

Как всегда, аккуратно сложила документы на завтра.

Проверила ежедневник.

Закрыла ящики стола.

Ей нравилось заканчивать день так же спокойно, как он

начинался.

Порядок на столе почему-то помогал наводить порядок и в мыслях.

...

Бахтиёр вышел из кабинета почти одновременно с ней.

— Уже домой?

— Да.

— Сегодня без переработок?

Она улыбнулась.

— Мама сказала, что если еще хоть раз задержусь, перестанет ждать меня с ужином.

— Серьезный аргумент.

— Очень.

Несколько секунд они шли по коридору молча.

Потом одновременно рассмеялись.

Потому что оба одновременно пропустили нужную дверь.

— После вас.

— Нет, после вас.

— Тогда так можно до утра простоять.

— Значит, придется ночевать в офисе.

Они снова рассмеялись.

Именно такими, почти случайными моментами между людьми рождается легкость.

Не громкими признаниями.

А общей улыбкой.

...

На улице уже темнело.

Снег медленно ложился на тротуары.

Возле остановки собралась небольшая очередь.

— Вам долго ждать автобус? — спросил Бахтиёр.

— Минут пять.

— Хорошо.

Он хотел сказать что-то еще.

Но не нашел слов.

Странно.

С человеком, с которым так легко молчать, иногда оказывается очень трудно подобрать правильную фразу.

Подъехал автобус.

Двери открылись.

Зарина поднялась на ступеньку.

Потом неожиданно повернулась.

— До завтра, Бахтиёр Ака.

— До завтра...

Автобус плавно тронулся.

Бахтиёр еще несколько секунд смотрел ему вслед.

А потом медленно пошел к своей машине.

Сам не понимая, почему на душе стало спокойнее.

В автобусе было тепло.

Стекла слегка запотели.

Люди молча смотрели в телефоны.

Кто-то дремал.

Кто-то разговаривал вполголоса.

Зарина достала плеер.

Надела один наушник.

Закрыла глаза.

Заиграла тихая инструментальная мелодия.

Автобус плавно покачивался.

Она сама не заметила, как на несколько мгновений провалилась в короткую дремоту.

...

Перед ней вдруг возникло огромное дерево.

Такое высокое, что невозможно было увидеть его вершину.

Белые листья едва заметно дрожали от теплого ветра.

Никакого снега.

Никакой зимы.

Только свет.

Очень мягкий.

Очень живой.

Ей показалось, будто кто-то стоит совсем рядом.

Она хотела повернуться.

Но в этот момент водитель резко затормозил.

Автобус качнулся.

Зарина открыла глаза.

Сердце билось чуть быстрее обычного.

Она посмотрела в окно.

За стеклом все так же шел снег.

Люди спешили по своим делам.

Никакого дерева не было.

Она тихо улыбнулась.

— Наверное...

задремала...

Но почему-то ощущение теплого ветра осталось с ней до самого дома.

Глава 15

Нити

Ранняя весна в горах всегда приходила незаметно.

Снег еще лежал в расщелинах, прячась от солнца, но южные склоны уже начинали темнеть от влажной земли.

По утрам над ущельем медленно поднимался туман.

Он цеплялся за камни, словно не хотел уходить вместе с зимой.

Старик шел медленно.

В правой руке — резная трость.

За плечами — потертая холщовая сумка.

Ему было далеко за шестьдесят.

Но походка оставалась удивительно легкой.

Будто эта тропа знала его шаги уже много десятилетий.

Он остановился возле большого плоского камня.

Положил ладонь на холодную поверхность.

Закрыв глаза.

Несколько секунд стоял неподвижно.

Потом негромко произнес:

— Еще немного...

Совсем немного...

Ветер неожиданно усилился.

Где-то высоко над ущельем громко вскрикнул орел.

Старик поднял голову.

Долго смотрел в небо.

Потом тихо улыбнулся.

— Значит...

ты уже проснулся...

Он сказал это так, словно разговаривал с человеком.

Хотя вокруг никого не было.

Из кармана пальто он достал старый серебристый компас.

Металл давно потемнел.

Стекло покрылось мелкими царапинами.

Он нажал маленькую защелку.

Крышка открылась.

Стрелка дрогнула.

Остановилась.

Потом вдруг начала быстро вращаться.

Все быстрее.

Быстрее.

Словно потеряла север.

Старик даже не удивился.

Он спокойно наблюдал за ней.

Когда стрелка наконец замерла, она показывала вовсе не на север.

А куда-то на восток.

Туда, где за сотнями километров просыпался Ташкент.

Старик медленно закрыл компас.

И впервые за всю главу его лицо стало серьезным.

— Рано...

Очень рано...

Но путь уже начался.

Он сел на камень.

Достал из сумки небольшой термос.

Налил чай.

Сделал несколько глотков.

Потом посмотрел на лежащую рядом старую тетрадь.

Плотная кожаная обложка.

Пожелтевшие страницы.

Она выглядела так, будто пережила не одно десятилетие.

Старик осторожно открыл ее.

Каждая страница была исписана аккуратным почерком.

Без дат.

Без названий.

Только имена.

Сотни имен.

Некоторые были перечеркнуты.

Возле некоторых стояли небольшие пометки.

Он медленно перелистнул еще несколько страниц.

Остановился.

Долго смотрел.

Потом достал простой карандаш.

И впервые за долгое время вписал новое имя.

Бахтиёр.

Рука замерла.

Через несколько секунд под ним появилось еще одно.

Зарина.

Он долго смотрел на оба имени.

Затем тихо сказал:

— Наконец-то...

И закрыл тетрадь.

В этот самый момент...

За триста километров отсюда...

Зарина открывала окно своей комнаты.

Свежий весенний воздух сразу наполнил помещение.

Во дворе уже громко чирикали воробьи.

Она глубоко вдохнула.

И вдруг...

сама не понимая почему...

посмотрела на восток.

Туда, где за горизонтом поднималось солнце.

В другом конце города Бахтиёр, выходя из дома, тоже на мгновение остановился.

Он никогда раньше не замечал этого дерева возле подъезда.

Оно было совсем обычным.

Но сегодня на его ветках появились первые крошечные зеленые листья.

Он машинально коснулся одной ветки пальцами.

И неожиданно вспомнил сон.

Тот самый голос.

"Не бойся вспоминать..."

Он тихо выдохнул.

Сел в машину.

И поехал на работу.

Не подозревая, что в это самое утро его имя впервые появилось в чужой старой тетради.

Старик не спешил уходить.

Он сидел на плоском камне, держа ладони на теплой крышке термоса.

Солнце медленно поднималось над вершинами.

Туман начинал рассеиваться.

Горы словно просыпались вместе с днем.

Он любил этот час.

Потому что именно в это время мир еще не успевал наполниться человеческим шумом.

Слышно было только ветер.

Редкое пение птиц.

Да далекий шум горной реки.

...

Он снова открыл тетрадь.

Долго смотрел на два последних имени.

Бахтиёр.

Зарина.

Потом медленно провел пальцем между ними.

И впервые за много лет...

не сделал никакой пометки.

— Нет...

Еще слишком рано...

Время само соединит вас.

...

Он закрыл тетрадь.

Спрятал ее в сумку.

Поднялся.

И вдруг остановился.

Кто-то поднимался по тропе.

Молодой пастух.

Лет двадцати.

С собакой.

Увидев старика, парень широко улыбнулся.

— Ассалому алейкум, ота!

— Ваалейкум ассалом.

— Опять с самого утра здесь?

— А где же мне еще быть?

Парень засмеялся.

— Все говорят, что вы разговариваете с горами.

Старик улыбнулся.

— Нет.

Это горы иногда разговаривают со мной.

Пастух снова рассмеялся.

Он был уверен, что старик шутит.

Попрощался.

И быстро пошел дальше.

...

Старик долго смотрел ему вслед.

Потом тихо сказал самому себе:

— Хорошо...

Пусть пока все считают меня чудачком.

Так спокойнее.

И медленно начал спускаться вниз.

В это время Ташкент уже жил своей обычной жизнью.

Автомобили медленно заполняли проспекты.

Возле метро торопились люди.

Открывались магазины.

На деревьях возле офиса компании уже появились первые
светло-зеленые листья.

Такие маленькие, что их легко было не заметить.

Но Зарина заметила.

Она остановилась перед входом.

Достала телефон.

Сделала фотографию.

Совсем близко.

Так, чтобы в кадре оказался только молодой лист и утренний солнечный свет.

— Опять что-то красивое нашла?

Она обернулась.

Позади стоял Азамат.

— Красивое?

Она посмотрела на экран телефона.

— Нет...

Живое.

Азамат удивленно поднял брови.

— Разве это не одно и то же?

Зарина задумалась.

Потом тихо ответила:

— Наверное...

не всегда.

...

Эти слова Азамат забыл уже через минуту.

Но читатель...

не должен забыть их никогда.

В кабинете Бахтиёра уже ждали документы.

Он привычно просматривал отчеты, когда в дверь осторожно постучали.

— Можно?

— Конечно.

Вошел Кельдияров.

Без папок.

Без бумаг.

Просто с двумя чашками чая.

Это было необычно.

Очень необычно.

Он поставил одну чашку перед Бахтиёром.

Сам сел напротив.

Некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Ты когда-нибудь замечал...

что жизнь иногда начинает ускоряться?

Бахтиёр улыбнулся.

— В последнее время — постоянно.

— Нет.

Я не про работу.

Я про другое.

Иногда несколько лет ничего не происходит.

А потом...

за один месяц человек проживает столько,
сколько раньше проживал за пять лет.

...

Бахтиёр внимательно посмотрел на него.

— Почему вы вдруг спросили?

Кельдияров не ответил сразу.
Он подошел к окну.
Посмотрел на молодые листья.
И неожиданно произнес:
— Потому что мне кажется...
для тебя именно такой месяц начинается.

В кабинете стало тихо.
Настолько тихо,
что было слышно,
как за окном ветер едва касается ветвей.
Бахтиёр хотел что-то спросить.
Но Кельдияров уже сменил тему.
— Сегодня после обеда поедешь со мной.
— Куда?
— Познакомлю тебя с одним человеком.
— По работе?
Кельдияров едва заметно улыбнулся.
— Возможно.

...

Это было странное слово.

Возможно.

Обычно Кельдияров никогда не говорил неопределенно.

Бахтиёр проводил его взглядом.

Потом машинально посмотрел на календарь.

Самый обычный день.

Самый обычный вторник.

Но почему-то возникло чувство,

что именно сегодня

что-то незаметно изменит направление всей его жизни.

После обеда город заметно потеплел.

Солнце, которого так не хватало всю зиму, теперь уверенно отражалось в стеклянных фасадах новых зданий.

Весенний ветер гонял по проспектам прошлогодние листья.

Казалось, сам город торопился избавиться от всего старого.

...

— Готов?

Кельдияров уже стоял у выхода.

На нем было легкое серое пальто и темно-синий шарф.

Он редко надевал его зимой.

Наверное, тоже чувствовал приближение весны.

— Да.

Они молча спустились на парковку.

Бахтиёр привычно направился к своей машине.

— Нет.

Сегодня поедem на моей.

— Хорошо.

...

Автомобиль медленно влился в городской поток.

Некоторое время оба молчали.

Бахтиёр давно заметил одну особенность Кельдиярова.

Если ему действительно было о чем подумать...

он никогда не включал музыку.

В машине царила удивительная тишина.

Не тяжелая.

Та, в которой мысли словно звучали громче слов.

...

Минут через десять Бахтиёр не выдержал.

— Мы далеко едем?

— Нет.

Почти приехали.

— А к кому?

Кельдияров улыбнулся.

— Сейчас увидишь.

...

Они свернули с широкого проспекта на старую улицу.

Здесь почти ничего не изменилось за последние десятилетия.

Небольшие двухэтажные дома.

Высокие чинары.

Старые кованые ворота.

Время будто замедлилось.

...

Машина остановилась возле небольшого здания из светлого кирпича.

Никакой вывески.

Никакой рекламы.

Только старая деревянная дверь и маленькая латунная табличка.

На ней было написано:

«Мастерская реставрации книг»

Бахтиёр удивленно посмотрел на Кельдиярова.

— Мы приехали...

сюда?

— Именно.

...

Они вошли внутрь.

В помещении пахло старой бумагой.

Кожей.

Деревом.

И чем-то еще...

Чем пахнут только очень старые библиотеки.

За большим столом сидел пожилой мужчина.

На вид — около семидесяти.

Тонкие очки.

Совершенно белые волосы.

Аккуратно застегнутый жилет.

Он настолько сосредоточенно работал над древней кни-

гой, что даже не сразу заметил гостей.

— Ассалому алейкум, Устоз.

Мужчина поднял голову.

Улыбнулся.

— Ваалейкум ассалом, Рустам.

Бахтиёр удивился.

За все время он впервые услышал имя Кельдиярова.

Не по имени-отчеству.

Не официально.

А просто...

Рустам.

Будто эти люди знали друг друга всю жизнь.

...

— Познакомьтесь.

Это Бахтиёр.

Очень талантливый молодой руководитель.

Пожилой мужчина внимательно посмотрел на него.

Очень внимательно.

Но без привычного человеческого любопытства.

Скорее...

словно пытался что-то вспомнить.

Потом неожиданно спросил:

— Ты любишь книги?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Бахтиёр немного растерялся.

— Да...

Наверное.

Люблю.

— Нет.

Не наверное.

Либо любишь.

Либо нет.

...

Наступила короткая пауза.

Бахтиёр вдруг понял, что не хочет отвечать формально.

Он медленно подошел к книжному шкафу.

Провел пальцами по старым корешкам.

И тихо сказал:

— Я люблю не книги.

Я люблю...

то, что они помнят.

...

Пожилой мастер перестал двигаться.

Совсем.

Он медленно снял очки.

Несколько секунд молча смотрел на Бахтиёра.

Потом негромко произнес:

— Рустам...

Ты ничего не говорил мне об этом.

Кельдияров спокойно улыбнулся.

— Потому что я сам не знал.

...

В мастерской снова стало тихо.
За окном пели птицы.
Где-то далеко проехал трамвай.
Старик осторожно закрыл книгу, которую реставрировал.
Поднялся.
Подошел к самому дальнему шкафу.
Очень долго искал что-то на верхней полке.
Наконец достал небольшую деревянную коробку.
Поставил ее на стол.
Снял крышку.
Внутри лежал...
обычный компас.
Очень старый.
С потемневшим серебристым корпусом.
Бахтиёр почему-то почувствовал странное волнение.
Ему показалось...
что он уже видел этот компас.
Но где?
Он не помнил.
Мастер заметил его взгляд.
— Интересная вещь, правда?
— Очень...
— Ему больше ста лет.
Принадлежал одному путешественнику.
Говорят...
он никогда не ошибался в дороге.

Бахтиёр осторожно взял компас в руки.

Металл оказался неожиданно теплым.

Он машинально нажал маленькую защелку.

Крышка открылась.

Стрелка дрогнула.

На мгновение замерла.

И вдруг...

едва заметно отклонилась.

Не на север.

А...

словно...

к нему самому.

...

В этот момент в помещении неожиданно погас свет.

Всего на одну секунду.

Потом снова загорелся.

Все произошло настолько быстро, что Кельдияров даже не успел ничего сказать.

Только мастер продолжал спокойно смотреть на компас.

Очень спокойно.

Будто...

ждал именно этого.

Он медленно поднял глаза на Бахтиёра.

И впервые за все время сказал фразу, от которой внутри что-то дрогнуло.

— Странно...

За сорок лет...

он ни разу так себя не вел.

...

Бахтиёр молча смотрел на стрелку.

Она уже снова показывала на север.

Словно ничего не произошло.

Но ощущение осталось.

Очень странное.

Очень знакомое.

И необъяснимое.

В мастерской снова воцарилась тишина.

Бахтиёр медленно закрыл крышку компаса.

Осторожно положил его обратно в деревянную коробку.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Пожилой мастер снова надел очки.

Будто ничего необычного не произошло.

— Прошу простить старика.

Наверное, механизм уже совсем износился.

Он сказал это слишком спокойно.

Так спокойно, что Бахтиёр почти поверил.

Почти.

...

Но Кельдияров...

нет.

Он внимательно посмотрел сначала на мастера.

Потом на компас.

Потом перевел взгляд на Бахтиёра.

И впервые за все время их знакомства ничего не сказал.

Это молчание было гораздо красноречивее любых слов.

Мастер аккуратно закрыл деревянную коробку.

Вернул ее на полку.

И неожиданно спросил:

— Ты любишь задавать вопросы?

Бахтиёр улыбнулся.

— Наверное...

слишком много.

— Хорошо.

Значит, еще не состарился.

...

Он снова сел за рабочий стол.

Взял маленькую кисточку.

Продолжил очищать пожелтевшие страницы старинной

книги.

Будто разговор уже закончился.

Но через несколько секунд снова заговорил.

Не поднимая головы.

— Люди почему-то думают...

что книги нужны,

чтобы узнавать новое.

Он осторожно перевернул страницу.

— А знаешь...

для чего они нужны на самом деле?

Бахтиёр отрицательно покачал головой.

— Чтобы однажды...

вспомнить то,

что всегда было внутри тебя.

...

В мастерской снова стало тихо.

На этот раз даже часы будто начали идти медленнее.

Бахтиёр подошел к раскрытой книге.

Текст был написан на старом узбекском языке.

Почерк очень красивый.

Почти каллиграфический.

Многие страницы были повреждены временем.

Некоторые слова невозможно было прочитать.

— Сколько ей лет?

— Никто точно не знает.

— И вы можете ее восстановить?

Старик улыбнулся.

— Нет.

Восстановить нельзя ничего.

Можно только...

бережно сохранить то,

что еще не исчезло.

...

Эта фраза почему-то глубоко отозвалась внутри Бахтиёра. Он не понимал почему.

В этот момент в дверь мастерской вошла молодая девушка.

Лет двадцати пяти.

В руках она держала аккуратно завернутую в ткань книгу.

— Простите...

Можно?

— Конечно, доченька.

Что случилось?

Она осторожно положила книгу на стол.

— Это Коран моего дедушки.

Он недавно умер...

Очень хочется сохранить его.

Мастер необыкновенно бережно развернул ткань.

Провел ладонью по обложке.

Не открывая.

Будто сначала здоровался с книгой.

Потом тихо сказал:

— Мы обязательно постараемся.

Девушка облегченно улыбнулась.

— Спасибо вам большое.

Когда она ушла,

Бахтиёр неожиданно спросил:

— Вы относитесь к каждой книге...
как к человеку?

Мастер поднял на него удивленные глаза.

— А разве они не похожи?

...

— У каждой книги есть свое рождение.

Своя жизнь.

Свои раны.

Своя память.

Иногда...

она переживает своего автора.

Иногда...

целую эпоху.

...

Он снова улыбнулся.

— Их тоже нельзя торопить.

Кельдияров неожиданно посмотрел на часы.

— Нам пора.

Он поднялся.

Пожал руку мастеру.

— Спасибо.

— За что?

— Сам знаешь.

Мастер тихо усмехнулся.

— Нет...

Я уже давно ничего не знаю наверняка.

Именно поэтому мне до сих пор интересно жить.

Когда они вышли на улицу,
весенний воздух показался особенно свежим.

Несколько минут оба молчали.

Потом Бахтиёр все-таки спросил:

— Кто он?

Кельдияров не ответил сразу.

Он медленно завел машину.

Только когда они выехали на улицу,
тихо произнес:

— Один из самых мудрых людей,
которых я встречал.

— Вы давно знакомы?

— Почти тридцать лет.

— И чем он занимается?

Кельдияров улыбнулся.

— Спасает память.

...

— В каком смысле?

— В самом прямом.

Бахтиёр еще долго смотрел в окно.

Мимо проплывали старые дома.

Школьники.

Молодые деревья.

Весенний город.

Но мысли снова возвращались к мастерской.

К компасу.

К фразе:

*"Чтобы однажды вспомнить то, что всегда было внутри
тебя..."*

Обратная дорога прошла почти в полном молчании.

Город уже начинал готовиться к вечеру.

Солнце медленно опускалось за крыши домов.

Длинные тени ложились на проспекты.

Весенний воздух становился прохладнее.

...

Бахтиёр смотрел в окно.

Перед глазами снова и снова возникал старый компас.

Стрелка.

Фраза мастера.

И странное ощущение...

будто сегодняшний день был не знакомством.

А воспоминанием.

Он никак не мог отделаться от этой мысли.

— О чем думаешь?

Голос Кельдиярова прозвучал спокойно.

Бахтиёр не сразу ответил.

— Вы когда-нибудь чувствовали...

будто приходите в место впервые...

а внутри точно знаете, что уже были там?

Кельдияров улыбнулся.

Не глядя на него.

— Чаще, чем ты думаешь.

— И что это значит?

— Не знаю.

...

Он немного помолчал.

Потом добавил:

— Но я давно перестал бояться таких ощущений.

Иногда память оказывается шире, чем мы привыкли думать.

...

Бахтиёр хотел переспросить.

Но Кельдияров уже включил поворотник и свернул к офису.

Разговор закончился сам собой.

Рабочий день почти подошел к концу.
В приемной оставалась только Зарина.
Она сосредоточенно заканчивала отчет.
На столе стояла уже давно остывшая чашка чая.
Рядом лежал раскрытый ежедневник.
Бахтиёр остановился у двери.
Несколько секунд молча наблюдал.
Она не замечала его.

И вдруг...

улыбнулась.

Совсем одна.

Сама себе.

Потом что-то быстро записала карандашом на маленьком листке.

Только после этого подняла голову.

— Вы уже вернулись?

— Да.

Она сразу заметила.

Что-то изменилось.

Не во внешности.

Во взгляде.

Он стал...

глубже.

Словно за один день Бахтиёр прожил еще несколько лет.

— Все хорошо?

— Да...

Просто познакомился с интересным человеком.

— Который заставил вас задуматься?

Он удивленно улыбнулся.

— Это так заметно?

Зарина тихо рассмеялась.

— Немножко.

...

Она протянула ему папку.

— Здесь документы, которые вы просили подготовить.

Бахтиёр взял ее.

Но взгляд остановился на небольшом листке, который лежал рядом.

На нем карандашом была нарисована...

стрелка компаса.

Очень простая.

Всего несколько линий.

Он замер.

— Это...

ваш рисунок?

Зарина посмотрела на листок.

Словно впервые его увидела.

И удивленно ответила:

— Наверное...

Да.

Я иногда рисую, когда думаю.

...

Она нахмурилась.

— Странно...

Я даже не помню, когда успела его нарисовать.

Бахтиёр почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Именно так выглядела стрелка того самого компаса.

Он ничего не сказал.

Медленно положил листок обратно.

— Красиво получилось.

Она смущенно улыбнулась.

— Это же просто стрелка...

— Иногда...

простые вещи оказываются самыми важными.

...

Эти слова он произнес неожиданно даже для самого себя.

Когда Зарина ушла домой, Бахтиёр еще долго сидел один.

В кабинете уже стемнело.

За окном один за другим загорались фонари.

Он открыл ежедневник.

Хотел записать несколько мыслей.

Но вместо этого машинально вывел на пустой странице

всего три слова.

"Не бойся вспоминать."

Он долго смотрел на написанное.

Потом резко закрыл ежедневник.

— Что со мной происходит?..

Ответа, конечно, не было.

Только весенний ветер слегка шевельнул занавеску у приоткрытого окна.

В это же время...

Зарина возвращалась домой пешком.

До остановки было минут пятнадцать.

Она специально не спешила.

Весной город всегда казался ей красивее.

Возле небольшого сквера дети запускали бумажного воздушного змея.

Он то взлетал высоко в небо, то снова опускался почти к земле.

Мальчик лет семи громко смеялся.

Его отец бежал рядом, придерживая катушку с ниткой.

Зарина остановилась.

Несколько секунд смотрела на них.

И неожиданно поймала себя на мысли:

"Когда-нибудь... у меня тоже будет семья."

Она сама удивилась этой мысли.

Раньше она никогда не думала об этом так ясно.

Перед глазами вдруг возникло лицо.

Неотчетливо.

Будто память специально скрывала детали.

Только ощущение надежности.

Тепла.

Она улыбнулась.

— Странная ты сегодня...

И пошла дальше.

Не подозревая, что где-то совсем рядом другой человек впервые за долгое время тоже подумал не о работе.

А о будущем.

В этот же вечер...

Зарина сидела у окна.

Перед ней лежал чистый лист бумаги.

Она долго не могла начать новый рисунок.

Потом...

совершенно машинально...

нарисовала старую деревянную дверь.

С маленькой латунной табличкой.

Она нахмурилась.

— Странно...

Я ведь никогда не видела такого дома...

Она закончила рисунок.

Закрыла альбом.

И не заметила,

что на маленькой табличке,
которую она нарисовала почти неосознанно,
едва различимо проступили слова:
«Мастерская реставрации книг».

Глава 16

Двадцать один день

Весна окончательно вступала в свои права.

За окном кабинета молодые листья уже не казались робкими.

За несколько дней деревья словно решили наверстать всю долгую зиму.

Утренний Ташкент становился шумнее.

Люди чаще улыбались.

Даже городские пробки почему-то воспринимались спокойнее.

...

Бахтиёр приехал в офис раньше обычного.

Он плохо спал.

Всю ночь ему снилась мастерская.

Не старик.

Не компас.

А запах старой бумаги.

Настолько настоящий, что, проснувшись, он несколько секунд был уверен, будто находится не дома.

Он налил себе чай.

Подошел к окну.

Во дворе офиса дворник неторопливо подметал дорожку.

Обычное утро.

Обычный день.

Но внутри не отпускало ощущение, что жизнь незаметно сдвинулась с привычного места.

...

В дверь осторожно постучали.

— Доброе утро.

Зарина вошла с папкой документов.

Как всегда — аккуратно собранные волосы, светло-бежевый плащ, который она еще не успела снять, и тонкая папка, прижатая к груди.

— Доброе.

Она внимательно посмотрела на него.

— Вы сегодня опять почти не спали?

Бахтиёр удивился.

— Это уже так заметно?

— Немножко.

Она улыбнулась.

— Но чай вы уже успели сделать.

Значит, всё не так плохо.

Он невольно рассмеялся.

Ему нравилось, что рядом с этой девушкой любое напряжение становилось меньше.

...

Телефон на столе зазвонил резко.

На экране высветилось:

Рустам Кельдияров.

— Зайди ко мне.

Сейчас.

...

Кабинет Кельдиярова всегда производил одинаковое впечатление.

Никакой роскоши.

Большой деревянный стол.

Книжный шкаф.

Несколько фотографий семьи.

И огромная карта Узбекистана на стене.

Кельдияров стоял у окна.

Даже не обернулся.

— Как спалось?

Бахтиёр усмехнулся.

— Вы уже второй человек сегодня, который задает этот вопрос.

— Значит, выглядишь честно.

Он повернулся.

В руках была толстая синяя папка.

— Есть работа.

Очень серьезная.

...

Он положил папку на стол.

— Контракт государственный.

Срок — двадцать один день.

Ошибаться нельзя.

Если мы выполним его достойно...

для компании откроются двери, которые были закрыты
много лет.

...

Бахтиёр открыл папку.

Чем дальше он листал документы, тем серьезнее станови-
лось лицо.

Объем был огромным.

Десятки поставщиков.

Сотни единиц оборудования.

Несколько городов.

Разные сроки.

Разные подрядчики.

...

Он медленно поднял глаза.

— Это невозможно выполнить одному.

Кельдияров кивнул.

— Именно поэтому...

ты не будешь один.

...

Он нажал кнопку селектора.

— Зарина.

Зайди, пожалуйста.

...

Через несколько секунд дверь открылась.

— Да, Рустам Ака?

— С сегодняшнего дня ты полностью переходишь в проект Бахтиёра.

Все остальные задачи передашь Азизе.

Теперь вы работаете вместе.

До завершения проекта.

...

Зарина лишь коротко кивнула.

Никаких лишних вопросов.

— Хорошо.

...

Когда она вышла, Бахтиёр тихо сказал:

— Она даже не спросила, что за проект.

Кельдияров улыбнулся.

— Потому что знает.

Если я поручил — значит, это действительно важно.

...

Он сделал небольшую паузу.

И добавил:

— И еще потому...

что она тебе доверяет.

...

Бахтиёр ничего не ответил.

Эти слова почему-то прозвучали слишком неожиданно.

Когда дверь кабинета Кельдиярова закрылась, Бахтиёр и

Зарина молча вернулись к себе.

На стол легла синяя папка.

Толстая.

Тяжелая.

Такая, что ее вес словно говорил сам за себя.

Бахтиёр открыл первую страницу.

Несколько минут они молча читали.

Чем дальше...

тем чаще переглядывались.

Наконец Зарина первой нарушила тишину.

— Мы действительно должны сделать это за три недели?

— Да.

— Это невозможно.

Бахтиёр улыбнулся.

— Знаешь...

Мне нравится, что ты сказала именно "невозможно".

Не "не получится".

Она вопросительно посмотрела на него.

— В чем разница?

— "Невозможно" — это про задачу.

"А не получится" — про людей.

Я никогда не путаю эти слова.

...

Зарина задумалась.

Потом тихо улыбнулась.

— Тогда...

давайте попробуем невозможное.

Весь следующий час кабинет больше напоминал штаб.

Стол быстро исчез под схемами.

Картами.

Таблицами.

Маркерами.

Телефон звонил почти без остановки.

Бахтиёр обзванивал поставщиков.

Зарина одновременно составляла новый график.

Иногда они начинали говорить одновременно.

Оба останавливались.

Смеялись.

И снова продолжали работать.

Около полудня дверь распахнулась.

На пороге появился Азамат.

— Бахтиёр Ака...

Можно?

— Заходи.

Он посмотрел на стол.

Свистнул.

— Такое чувство, будто война началась.

Бахтиёр, не поднимая головы, ответил:

— Нет.

Пока только подготовка.

...

Азамат уже собирался выйти.

Но вдруг заметил Зарину.

Она сидела с калькулятором, карандашом и огромной таблицей.

Что-то не сходилось.

Она несколько раз перепроверила цифры.

Потом неожиданно замерла.

— Бахтиёр.

Он автоматически поднял голову.

Не "Бахтиёр Ака".

Не "извините".

Просто...

Бахтиёр.

Никто из них этого даже не заметил.

— Посмотри сюда.

Он подошел.

Она подвинула к нему лист.

— Вот здесь.

Если третья поставка задержится хотя бы на сутки... четвертая потеряет смысл.

Она ткнула карандашом в одну строку.

— Смотри.

Бахтиёр быстро пробежал глазами по расчетам.

Потом еще раз.

Еще.

...

И вдруг...

сердце словно ухнуло вниз.

Она была права.

Из-за одной маленькой ошибки компания могла потерять почти весь контракт.

Он медленно поднял глаза.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Он взял калькулятор.

Сам пересчитал.

Потом еще раз.

Ошибки не было.

Ошибка была...

в самом проекте заказчика.

В кабинете стало тихо.

Даже Азамат перестал шутить.

— Получается...

они сами ошиблись?

— Получается...

да.

Бахтиёр быстро поднял трубку.

Через несколько минут в кабинете уже сидели руководители отделов.

Документы лежали на столе.

Все внимательно слушали объяснения Зарины.

Она сначала немного волновалась.

Но постепенно перестала замечать людей вокруг.

Говорила спокойно.

Четко.

Уверенно.

...

Когда закончила...

молчание длилось несколько секунд.

Первым заговорил главный бухгалтер.

— Если бы мы подписали документы в таком виде...
убытки были бы огромными.

Кельдияров посмотрел сначала на бумаги.

Потом на Зарину.

Потом перевел взгляд на Бахтиёра.

— Кто нашел?

Бахтиёр даже не задумался.

Он сразу ответил.

— Зарина.

...

Еще одна пауза.

Кельдияров медленно кивнул.

— Молодец.

Одно слово.

Всего одно.

Но Зарина почувствовала, как у нее неожиданно защипало глаза.

За всю жизнь ей редко говорили такие слова люди, которых она по-настоящему уважала.

Совещание закончилось.

Все начали расходиться.

Бахтиёр задержал ее у двери.

— Подожди.

Она остановилась.

Он подошел ближе.

И очень спокойно сказал:

— Спасибо.

Она удивленно улыбнулась.

— За что?

— Сегодня...

ты спасла не просто проект.

Ты спасла мою репутацию.

Если бы эта ошибка прошла...

отвечал бы я.

...

Зарина покачала головой.

— Мы же одна команда.

...

Эти слова прозвучали настолько естественно, что оба на секунду замолчали.

Мы.

Не "вы".

Не "я".

А...

мы.

К вечеру офис заметно опустел.

Обычно в половине седьмого коридоры уже становились тихими.

Слышно было только, как уборщица неторопливо передвигала ведро с водой да где-то далеко жужжал принтер, оставленный кем-то включенным.

Сегодня было иначе.

Свет горел почти во всех кабинетах.

Большой проект уже успел изменить привычный ритм жизни компании.

...

— Сколько осталось?

Бахтиёр поднял голову от ноутбука.

Зарина быстро просмотрела список.

— Девять договоров.

— Было сорок семь...

— Уже тридцать восемь позади.

Она улыбнулась.

— Значит, осталось совсем немного.

Бахтиёр тихо рассмеялся.

— Мне нравится твой оптимизм.

— Это не оптимизм.

Это математика.

...

Он снова поймал себя на мысли, что рядом с ней даже усталость становится легче.

Через полчаса в кабинет осторожно заглянул охранник.

— Извините...

Я уже хотел закрывать этаж.

Вы еще долго?

Бахтиёр посмотрел на часы.

Было почти девять.

Он даже не заметил, как пролетело время.

— Еще минут сорок.

— Хорошо.

Я тогда чайник пока не выключаю.

Вдруг захотите чай.

...

Когда дверь закрылась, Зарина неожиданно сказала:

— Хороший человек.

— Кто?

— Охранник.

Каждый вечер желает всем доброй дороги домой.

Наверное, никто уже этого не замечает.

...

Бахтиёр посмотрел на нее.

— А ты замечаешь.

Она пожала плечами.

— Люди очень редко бывают случайно добрыми.

Мне кажется...

такие вещи нужно помнить.

...

Эта фраза почему-то осталась в памяти Бахтиёра.

Надолго.

Еще через час работа наконец закончилась.

Последний договор лег в папку.

Оба почти одновременно облегченно выдохнули.

— Всё?

— Всё.

Несколько секунд они просто сидели молча.

Будто организм еще не поверил, что можно расслабиться.

Потом Бахтиёр закрыл ноутбук.

— Поехали.

Они вышли из здания.

Весенний вечер оказался неожиданно теплым.

После недавнего дождя асфальт еще блестел в свете фонарей.

Воздух пах молодой листвой и мокрой землей.

Город словно стал тише.

...

До парковки оставалось пройти всего несколько десятков метров.

И вдруг...

Бахтиёр услышал тихий смех.

Совсем рядом.

За небольшим сквером.

Он обернулся.

На детской площадке молодой отец учил маленького сына кататься на двухколесном велосипеде.

Мальчик то и дело падал.

Поднимался.

Снова смеялся.

Отец терпеливо придерживал сиденье.

Ни разу не повысив голос.

...

Они оба невольно остановились.

Несколько секунд молча наблюдали.

Наконец мальчик проехал несколько метров самостоятельно.

— Папа!

Я сам!

Отец поднял руки.

Будто победил не ребенок.

А он сам.

...

Зарина улыбнулась.

Очень тепло.

Почти по-детски.

— Люблю такие моменты.

Бахтиёр не ответил.

Он смотрел не на мальчика.

На отца.

И неожиданно вспомнил своего.

Так отчетливо...

что на мгновение показалось, будто слышит его голос.

"Не бойся упасть.

Главное — всегда поднимайся сам."

Он давно не вспоминал эту фразу.

Много лет.

...

— Всё хорошо?

Голос Зарины вернул его в реальность.

Он кивнул.

— Да...

Просто...

вспомнил папу.

Она ничего не сказала.

Не стала расспрашивать.

Не начала утешать.

Только тихо пошла рядом.

Иногда молчание оказывается самой правильной поддержкой.

Когда они подошли к парковке, Зарина остановилась.

— Мне на автобус.

— Уже поздно.

Я отвезу.

Она сразу покачала головой.

— Нет.

Спасибо.

Я привыкла.

— Зарина.

Последний автобус сейчас будет переполнен.

Она снова улыбнулась.

— Ничего страшного.

Я каждый день так езжу.

...

Бахтиёр задумался.

Он никогда раньше не интересовался, сколько времени она добирается домой.

— Далеко?

— Почти час.

— Каждый день?

— Каждый.

Он нахмурился.

— И утром тоже?

— Конечно.

Она сказала это так спокойно,
будто речь шла о пяти минутах.

...

Бахтиёр вдруг почувствовал странное чувство.

Не жалость.

Не сочувствие.

А...

уважение.

За все это время она ни разу не пожаловалась.

Ни разу не намекнула, что ей тяжело.

...

— Тогда хотя бы сегодня.

Позволь подвезти.

Она посмотрела ему в глаза.

Несколько секунд молчала.

Потом впервые сказала:

— Хорошо.
Только сегодня.

Они ехали молча.

Из динамиков тихо звучала старая инструментальная мелодия.

За окном медленно проплывал вечерний Ташкент.

Светофоры.

Остановки.

Люди.

Обычная жизнь.

...

— Можно спросить?

Тихо произнесла Зарина.

— Конечно.

— Почему вы никогда не говорите о себе?

Он удивился.

— Разве?

— Да.

Вы всегда спрашиваете других.

Но почти никогда...

не рассказываете ничего о себе.

...

Бахтиёр несколько секунд молчал.

Потом тихо ответил:

— Наверное...

потому что мне всегда казалось,
что моя история никому не интересна.

Зарина посмотрела в окно.

И очень спокойно сказала:

— Вы ошибаетесь.

...

Эта короткая фраза прозвучала так искренне,
что Бахтиёр не нашелся, что ответить.

Через несколько минут машина остановилась возле старо-
го пятиэтажного дома.

Во дворе уже горели редкие фонари.

У подъезда цвела старая абрикосовая ветка.

Совсем одна.

Раньше остальных деревьев.

Зарина открыла дверь.

Уже собиралась выйти.

Но вдруг повернулась.

— Спасибо.

— За что?

Она улыбнулась.

— За сегодняшний день.

...

Он хотел сказать:

"Это тебе спасибо."

Но почему-то промолчал.

Она вышла.

Медленно пошла к подъезду.

Не оборачиваясь.

...

Бахтиёр еще несколько секунд сидел в машине.

Пока дверь подъезда не закрылась.

Только потом завел двигатель.

И вдруг поймал себя на мысли...

Что впервые за долгое время ему совсем не хотелось включать радио.

Потому что внутри было удивительно тихо.

И удивительно спокойно.

Глава 16. Двадцать один день

Первый день большого проекта начался без торжественных речей.

Никто не собирал сотрудников в круг, не говорил вдохновляющих слов и не обещал премий. Просто в шесть утра двор базы уже был заполнен машинами. Водители проверяли крепления, грузчики перекладывали последние коробки, а кладовщики в третий раз сверяли ведомости.

Проект был слишком большим, чтобы позволить себе ошибку.

Двадцать один день.

Три недели.

Каждый день — десятки адресов.

Каждый день — отчёты.

Каждый день — люди, которые будут ждать поставку точно по времени.

Бахтиёр смотрел на длинную колонну автомобилей и чувствовал то странное спокойствие, которое приходит только тогда, когда бояться уже поздно.

Он поднял руку.

— Поехали.

К вечеру первого дня казалось, что прошло не двенадцать часов, а несколько суток.

Телефон не замолкал.

Кто-то не успевал разгружаться.

Где-то поменяли порядок поставки.

На одном объекте неожиданно закрыли въезд.

На другом попросили дополнительные документы.

Каждая мелочь пыталась превратиться в проблему.

Но удивительно было другое.

Практически каждая проблема исчезала раньше, чем доходила до Бахтиёра.

— Уже решили.

— Всё в порядке.

— Зарина разобралась.

Эту фразу он услышал за день раз десять.

Когда вечером они наконец оказались в офисе, Зарина сидела, не снимая жилета, перед двумя мониторами.

На одном была таблица.

На другом — карта.

Она одновременно разговаривала по телефону, отвечала в рабочем чате и что-то быстро отмечала карандашом на распечатанной схеме.

— Одиннадцатая машина опаздывает на двадцать минут?

Пауза.

— Нет, не переносите. Пусть сначала едет на объект номер семь. Девятый ещё не готов принимать.

Она положила трубку.

Подняла глаза.

— Что?

— Ничего.

— Почему смотришь?

Бахтиёр усмехнулся.

— Просто понял одну вещь.

— Какую?

— Я думал, что руководитель — это тот, кто всё решает сам.

Она покачала головой.

— Нет.

— Тогда кто?

— Тот, кто делает так, чтобы остальные могли решать без него.

На четвёртый день они уже почти перестали разговаривать длинными предложениями.

— Первый склад?

— Закрыли.

— Второй?

— Уже перенаправила.

— Документы?

— Подписаны.

— Водитель?

— Заменён.

Иногда достаточно было одного взгляда.

Она понимала, что он собирается спросить.

Он видел по выражению её лица, насколько серьёзна проблема.

Со стороны это выглядело почти странно.

Один начинал фразу.

Другой заканчивал.

На седьмой день случилась первая настоящая авария проекта.

Один из поставщиков сообщил, что партия товара не бу-

дет готова вовремя.

Если ждать — срывался график почти половины объектов.

Если ехать без груза — терялся день.

Если менять маршрут — рушилась вся логистика.

В кабинете повисла тишина.

Несколько сотрудников уже начали обсуждать, кого винить.

Бахтиёр молчал.

Зарина открыла карту.

Минут пять никто не понимал, что она делает.

Потом она взяла маркер.

Провела новую линию.

Потом ещё одну.

— А если...

Она быстро начала считать.

Через десять минут весь маршрут был перестроен.

Машины менялись местами.

Часть груза забиралась раньше.

Часть позже.

Несколько объектов менялись местами.

График оставался почти прежним.

Разница составляла всего сорок минут.

Все смотрели на схему.

Первым заговорил диспетчер.

— Это... вообще возможно?

Зарина пожала плечами.

— Проверим.

Проверили.

Получилось.

В тот вечер Бахтиёр впервые поймал себя на мысли, что перестал переживать, когда рядом была она.

Не потому, что проблем стало меньше.

Потому что рядом появился человек, который не паниковал.

К десятому дню усталость стала частью жизни.

Кофе уже не помогал.

Будильник звонил слишком рано.

Дом превратился в место, где удавалось поспать несколько часов.

Иногда они задерживались в офисе далеко за полночь.

Сидели молча.

Проверяли цифры.

Исправляли отчёты.

Иногда между ними не звучало ни одного слова минут по двадцать.

И это молчание уже не казалось неловким.

Оно было рабочим.

Спокойным.

Почти уютным.

Однажды Зарина откинулась на спинку кресла и устало потерла глаза.

— Если честно...

— Что?

— Я уже перестала понимать, какой сегодня день недели.

Бахтиёр посмотрел в календарь.

— Среда.

Она рассмеялась.

— Хорошо, что ты знаешь.

— Не знаю.

Я только что посмотрел.

Они оба засмеялись.

Наверное, впервые за последние десять дней.

И этот короткий смех неожиданно оказался лучшим отдыхом за всё время проекта.

Впереди оставалась ещё почти половина пути.

И никто из них тогда ещё не знал, что самые тяжёлые испытания начнутся только после середины этих двадцати одного дня.

Одиннадцатый день начался с дождя.

Тяжёлые серые тучи висели над городом ещё с ночи, и к рассвету ливень превратил дороги в бесконечную цепочку пробок.

Телефон Бахтиёра зазвонил ещё до того, как он успел вый-

ти из дома.

— Третья машина стоит.

— Где?

— На кольцевой.

Через несколько секунд поступил второй звонок.

— Седьмой экипаж тоже встал.

Третий.

— На объекте двадцать четыре просят перенести разгрузку.

Казалось, весь тщательно выстроенный график начинает рассыпаться ещё до восьми утра.

Когда Бахтиёр приехал на базу, Зарина уже была там.

Мокрые волосы были собраны в небрежный хвост, на столе лежала раскрытая карта, рядом — кружка давно остывшего кофе.

Она даже не подняла головы.

— Я уже всё вижу.

— Насколько плохо?

— Пока терпимо.

Она быстро провела пальцем по схеме.

— Если дождь закончится через час — потеряем максимум сорок минут.

— А если нет?

Зарина впервые за утро посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда придётся забыть про первоначальный план.

Бахтиёр молча кивнул.

Ещё полгода назад эти слова вывели бы его из себя.

Он бы начал требовать невозможного.

Искать виноватых.

Пытаться удержать идеальный график любой ценой.

Теперь он просто спросил:

— Что нужно?

Она на секунду задумалась.

— Доверься мне.

Всего три слова.

И он неожиданно понял, что уже доверяет.

Без условий.

Без проверок.

Без желания контролировать каждый шаг.

— Хорошо.

Через два часа офис напоминал диспетчерский центр.

На большой доске постоянно менялись маршруты.

Водители получали новые задания прямо в дороге.

Какие-то машины разворачивались.

Какие-то, наоборот, получали дополнительную загрузку.

Телефоны звонили без остановки.

Но паники больше не было.

Каждый уже знал своё место.

Каждый понимал, что делать.

Бахтиёр поймал себя на мысли, что почти перестал вме-

шиваться.

Он наблюдал.

Иногда принимал сложные решения.

Но всё чаще видел, как сотрудники начинают действовать самостоятельно.

И понимал, что это заслуга не только его.

За последние дни Зарина успела научить половину офиса думать быстрее, чем они привыкли.

Не читать инструкции.

Не ждать приказов.

А искать решение.

Вечером они задержались последними.

Дождь закончился.

За окнами город постепенно затихал.

Зарина сидела, устало перебирая бумаги.

Бахтиёр поставил перед ней пластиковый контейнер.

— Что это?

— Плов.

Она удивлённо подняла брови.

— Откуда?

— Мама одного из водителей передала на всех.

Сказала, что иначе мы здесь умрём с голоду.

Зарина тихо рассмеялась.

— Похоже, она права.

Они ели молча.

Без обсуждения работы.

Без телефонов.

Без таблиц.

Впервые за много дней.

Через несколько минут Зарина сказала:

— Знаешь...

— М?

— Раньше я думала, что ты очень тяжёлый человек.

Бахтиёр усмехнулся.

— А теперь?

Она задумалась.

— Нет.

— Нет?

— Ты просто слишком долго всё несёшь один.

Поэтому никому не отдаёшь даже маленький кусочек ответственности.

Он ничего не ответил.

Потому что возразить было нечего.

Она попала точно в цель.

Ночью, возвращаясь домой по почти пустым улицам, Бахтиёр впервые за долгое время не думал о цифрах.

Не прокручивал в голове маршруты.

Не составлял планы на завтра.

Он вспоминал одну простую фразу.

"Ты слишком долго всё несёшь один."

И впервые за много лет поймал себя на странном ощущении.

Оказывается, когда рядом есть человек, которому можно доверить часть ноши, груз становится легче не потому, что его стало меньше.

А потому, что ты перестаёшь быть один.

Двенадцатый день начался спокойно.

Настолько спокойно, что это само по себе настораживало.

Машины ушли по графику.

Склад отработал без задержек.

Телефоны звонили редко.

Даже водители в общем чате впервые за долгое время обсуждали не маршруты, а футбол.

Бахтиёр посмотрел на экран телефона и усмехнулся.

— Слишком тихо.

Зарина, не отрываясь от компьютера, кивнула.

— Значит, скоро что-нибудь случится.

Она произнесла это совершенно серьёзно.

Через двадцать минут зазвонил телефон.

Она посмотрела на дисплей.

Улыбка исчезла.

— Говорите.

Секунд через десять её лицо стало совсем другим.

— Что значит "нет товара"?

...

— Как это "не нашли"?

...

— Подождите, я перезвоню.

Она медленно положила трубку.

Бахтиёр уже понял.

Что-то действительно произошло.

— Что?

— Центральный склад.

— И?

— Исчезла партия.

Он нахмурился.

— Какая партия?

Она открыла документы.

Провела пальцем по строке.

— Та, которая должна сегодня уйти сразу на девять объёмов.

В кабинете стало тихо.

— Исчезла... в каком смысле?

— В прямом.

В системе числится.

По документам выдана.

Физически её нет.

Бахтиёр медленно выдохнул.

Такого не должно было случиться.

Никогда.

Через полчаса они уже были на складе.

Начальник склада нервно ходил между стеллажами.

Кладовщики открывали коробки.

Кто-то пересчитывал паллеты.

Кто-то спорил.

Кто-то уже начинал искать виноватого.

— Я вчера всё принимал лично!

— Нет, это ночная смена!

— Документы подписаны!

— Значит, украли!

Последнее слово прозвучало слишком громко.

Все замолчали.

Бахтиёр медленно посмотрел на сотрудников.

— Пока никто никого не обвиняет.

Его голос был спокойным.

Но именно это спокойствие заставило людей замолчать окончательно.

Он повернулся к Зарине.

— Что думаешь?

Она не ответила.

Вместо этого присела возле одного из паллетов.

Провела рукой по упаковочной плёнке.

Поднялась.

Посмотрела на маркировку.

Потом неожиданно спросила:

— Кто сегодня утром открывал восьмой сектор?

Начальник склада удивился.

— Причём здесь восьмой?

— Ответьте.

— Фарход.

— Позовите его.

Через несколько минут появился молодой кладовщик.

Он заметно нервничал.

— Я ничего не брал.

— Я этого и не спрашивала, — спокойно ответила Зарина.

Она подошла к стеллажу.

— Покажи, как ты сегодня разгружал машину.

Парень удивился.

Но начал показывать.

Шаг за шагом.

Минут через пять Зарина вдруг остановилась.

Подошла к соседнему ряду.

Снова посмотрела на маркировку.

Потом улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

— Нашла.

Все одновременно повернулись к ней.

— Где?

Она показала на высокий стеллаж.

— Вот.

Все подняли головы.

Там действительно стояли нужные паллеты.

Совершенно целые.

Просто наклейки соседней партии были наклеены поверх старых штрихкодов.

Из-за этого система отправила груз в другой сектор.

Начальник склада закрыл лицо ладонями.

— Господи...

Один из кладовщиков облегчённо рассмеялся.

— Я уже думал, нас всех посадят...

Напряжение рассеялось так же быстро, как появилось.

Когда они вышли со склада, Бахтиёр молчал.

Потом всё-таки спросил:

— Как ты поняла?

— По плёнке.

— Что?

— Она была натянута заново.

Если бы груз действительно вчера выдали, упаковка выглядела бы иначе.

Она сказала это так просто, словно речь шла о погоде.

Бахтиёр покачал головой.

— Ты замечаешь такие вещи...

— Потому что не ищу виноватых.

Я ищу то, что не совпадает.

Он усмехнулся.

— Напомни никогда не играть с тобой в детективов.

Она рассмеялась.

— Поздно.

Вечером, когда машины уже возвращались на базу, в кабинет неожиданно заглянул начальник склада.

В руках у него был небольшой бумажный пакет.

Он смущённо кашлянул.

— Это... вам.

— Что это?

— Самса.

Бахтиёр удивился.

— За что?

Мужчина посмотрел сначала на него, потом на Зарину.

— Спасибо, что не начали искать виноватого.

Если честно... когда вы приехали, я был уверен, что меня сегодня уволят.

Бахтиёр ничего не ответил.

Только посмотрел на Зарину.

Она тоже молчала.

Но именно в этот момент он понял одну важную вещь.

За эти двенадцать дней они изменили не только свою работу.

Они начали менять людей вокруг себя.

Тринадцатый день встретил их новыми задачами.

И никто ещё не подозревал, что настоящее испытание ждёт их уже завтра. Именно четырнадцатый день станет тем моментом, после которого этот проект войдёт в историю компании.

День четырнадцатый

В половине шестого утра Бахтиёр уже открывал дверь офиса.

За последние две недели это стало привычкой.

Он всегда приезжал раньше большинства сотрудников.

Но всё равно никогда не был первым.

Первой всегда была Зарина.

На её столе уже стояла кружка кофе.

Компьютер был включён.

На доске появлялись новые пометки.

И казалось, что рабочий день начинается именно с неё.

Сегодня стол был пуст.

Бахтиёр машинально посмотрел на часы.

Пять тридцать две.

— Наверное, автобус задержался, — тихо сказал он самому себе.

Он включил свет.

Открыл окно.

Поставил чайник.

Достал документы на сегодняшний маршрут.

Прошло десять минут.

Потом двадцать.

В офис начали приходить остальные сотрудники.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Зарина ещё не приехала?

— Нет.

Никто не придавал этому значения.

Она никогда не опаздывала.

Значит, сегодня просто что-то случилось по дороге.

Без десяти шесть Бахтиёр набрал её номер.

Телефон оказался выключен.

Он нахмурился.

Попробовал ещё раз.

Тот же короткий механический голос.

— Абонент временно недоступен.

Он положил телефон на стол.

— Странно...

В шесть часов колонна машин должна была выйти с базы.

Обычно именно Зарина за пять минут до выезда проходила по двору, сверяя последние мелочи.

Проверяла документы.

Разговаривала с водителями.

Напоминала о порядке разгрузки.

Сегодня этого не было.

Один из водителей подошёл к Бахтиёру.

— Шеф...

А где Зарина?

— Скоро будет.

Бахтиёр ответил уверенно.

Хотя сам уже не был в этом уверен.

В шесть двадцать машины выехали.

Без неё.

Впервые за весь проект.

Первые проблемы появились почти сразу.

— Бахтиёр Ака...

На какой объект сначала отправить восьмую машину?

Он открыл таблицу.

Замер.

Обычно этот маршрут перестраивала Зарина ещё вечером.

Он никогда не запоминал его полностью.

Пришлось разбираться заново.

Пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Драгоценное время уходило.

Через полчаса позвонил кладовщик.

— Где резервные накладные?

Бахтиёр открыл шкаф.

Потом второй.

Третий.

Ничего.

— Одну минуту...

Он искал почти десять минут.

Потом выяснилось, что документы лежали совсем в другом кабинете.

Там, куда их однажды перенесла Зарина, чтобы всем было удобнее.

Знали об этом только она и бухгалтер.

Ещё через час водитель спросил:

— Телефон ответственного на двадцать девятом объекте?

Бахтиёр полез в контакты.

Нет.

У секретаря тоже нет.

В бухгалтерии — нет.

Потом кто-то вспомнил:

— У Зарины записан.

В кабинете стало тихо.

Сотрудники впервые переглянулись.

К десяти утра офис уже работал совсем иначе.

Никто не паниковал.

Но скорость исчезла.

Каждый вопрос занимал на несколько минут больше.

Каждое решение приходилось перепроверять.

Каждая мелочь неожиданно превращалась в задачу.

Бахтиёр всё чаще ловил себя на одной мысли.

"Сколько же всего она держала в голове..."

Раньше он этого просто не замечал.

В половине одиннадцатого он снова набрал её номер.

Безрезультатно.

Потом ещё.

И ещё.

Потом попросил секретаря.

Потом бухгалтера.

Потом одного из водителей.

Вдруг телефон просто не принимает его звонки?

Нет.

Результат был одинаковым.

Телефон был выключен.

К обеду он перестал злиться.

Именно тогда пришло настоящее беспокойство.

Он вдруг понял, что...

Не помнит, где она живёт.

Не знает номера её мамы.

Не знает, есть ли у неё брат.

Не знает вообще никого из её близких.

За две недели ежедневной работы они успели узнать друг друга настолько хорошо, что могли понимать мысли с полуслова.

И одновременно — почти ничего не знали о жизни друг друга за пределами офиса.

Это открытие оказалось неожиданно болезненным.

После обеда проект начал входить в самую напряжённую фазу.

Две машины одновременно застряли в пробке.

На одном объекте изменили время разгрузки.

Поставщик привёз товар с ошибкой в маркировке.

Обычно в такие моменты Бахтиёр говорил:

— Позовите Зарину.

Сегодня эта фраза несколько раз едва не сорвалась с его губ.

И каждый раз он останавливал себя.

Потому что звать было некого.

В пять часов вечера работа понемногу начала стихать.

Самый тяжёлый день проекта удалось удержать.

Не идеально.

С задержками.

С ошибками.

С лишними нервами.

Но удержать.

Сотрудники начали расходиться.

В кабинете стало непривычно тихо.

Бахтиёр подошёл к окну.

На улице медленно загорались фонари.

Он снова посмотрел на телефон.

Ни одного сообщения.

Ни одного пропущенного вызова.

Он вздохнул.

И в этот момент телефон завибрировал.

Незнакомый номер.

Он ответил сразу.

— Алло.

Несколько секунд в трубке слышалось только чьё-то неровное дыхание.

Потом раздался тихий, очень уставший голос.

— Бахтиёр Ака...

Это Зарина...

...

— Простите меня...

Мама...

Мы в больнице...

В это же утро...

Будильник прозвенел в пять утра.

Зарина открыла глаза почти сразу.

За последние две недели организм привык просыпаться раньше звонка, но сегодня усталость оказалась сильнее.

Она быстро поднялась, стараясь не шуметь.

В соседней комнате спала мама.

Каждое утро Зарина первым делом заглядывала к ней.

— Мам...

Женщина приоткрыла глаза и слабо улыбнулась.

— Уже уходишь?

— Да. Сегодня опять длинный день.

— Ты совсем себя не бережёшь...

— Закончится проект — выплуюсь.

Она сказала это легко, хотя сама уже не помнила, когда спала больше пяти часов подряд.

Мама хотела что-то ответить, но только устало кивнула.

— Вечером купим твои любимые яблоки.

— Хорошо...

Зарина поправила одеяло, поцеловала маму в лоб и тихо закрыла дверь.

Она ещё не знала, что это утро разделит её жизнь на «до» и «после».

Автобус, как всегда, был переполнен.

Люди молча держались за поручни.

Кто-то дремал.

Кто-то листал новости.

Кто-то уже разговаривал по телефону.

Зарина стояла у окна, мысленно прокручивая сегодняшний маршрут.

«Восьмую машину сразу на двадцать девятый объект... Потом проверить остатки на центральном складе... Не забыть подписать дополнительные накладные...»

Она настолько погрузилась в работу, что даже не заметила, как автобус подъехал к нужной остановке.

Двери открылись.

Поток людей вынес её наружу.

Автобус закрыл двери и медленно тронулся.

Зарина сделала несколько шагов.

И вдруг замерла.

Машинально коснулась сумки.

Потом второго кармана.

Потом ещё одного.

Телефона не было.

Она резко обернулась.

Автобус уже исчезал за поворотом.

— Нет...

Она сделала несколько шагов вслед.

Бесполезно.

Постояла ещё несколько секунд.

Глубоко вдохнула.

— Ладно...

В голове мгновенно начались расчёты.

Возвращаться — минимум сорок минут.

Проект.

Машины.

Люди.

Она решила:

«После работы найду автобусный парк. Наверняка кто-нибудь передаст телефон диспетчеру.»

И быстрым шагом направилась к офису.

До работы оставалось меньше пяти минут.

Она уже подходила к дому, где снимала небольшую квартиру вместе с мамой.

Хотела только забрать папку с документами, которую вечером забыла на столе.

Поднимаясь по лестнице, она услышала странный звук.

Сначала показалось, что кто-то стонет этажом выше.

Потом...

Она узнала голос.

— Мам?

Никто не ответил.

Сердце вдруг сжалось.

Она открыла дверь почти бегом.

Папка с документами так и осталась лежать у входа.

Из комнаты снова донёлся тихий стон.

— Мам!

Женщина сидела на краю кровати, согнувшись от боли.

Лицо было непривычно бледным.

Дыхание — частым и поверхностным.

— Мамочка...

Что случилось?

Женщина с трудом подняла глаза.

— Спина...

Очень больно...

И...

Тяжело...

Дышать...

Зарина опустилась рядом.

Руки неожиданно стали холодными.

— Сейчас... Сейчас всё будет хорошо...

Она попыталась помочь маме лечь, но та вскрикнула от боли.

Зарина впервые по-настоящему испугалась.

Она бросилась к домашнему телефону.

Дрожащими пальцами набрала номер скорой помощи.

— Алло...

Пожалуйста...

Приезжайте скорее...

Моей маме очень плохо...

Скорая приехала удивительно быстро.

Наверное, прошло не больше десяти минут.

Но Зарине показалось, что прошёл целый час.

Двое фельдшеров быстро вошли в квартиру.

— Что случилось?

— Сильная боль... В пояснице... Ей тяжело дышать...

Пожилой врач опустился возле кровати.

Измерил давление.

Посмотрел на лицо женщины.

Задал несколько коротких вопросов.

Потом спокойно сказал напарнику:

— Носилки.

Это слово прозвучало так буднично, что Зарина сначала

даже не поняла его смысла.

Только когда в квартиру занесли складные носилки, внутри всё оборвалось.

— Документы есть?

— Да...

— Паспорт. Медицинские выписки. Если принимает лекарства — возьмите с собой.

Зарина кивнула.

Руки дрожали так сильно, что она дважды уронила папку.

Двери машины скорой помощи закрылись.

Сирена прорезала утреннюю тишину.

Город только просыпался.

По тротуарам спешили люди.

Кто-то бежал на автобус.

Кто-то открывал магазин.

Кто-то пил кофе возле остановки.

Для них этот день был самым обычным.

Для Зарины мир вдруг стал совсем другим.

Она сидела рядом с мамой, крепко держа её за руку.

— Всё будет хорошо...

Она повторяла эти слова скорее себе, чем маме.

Женщина едва заметно кивнула.

— Прости...

— За что?

— Из-за меня...

Зарина резко покачала головой.

— Даже не думай об этом.

— У тебя работа...

— Мам...

— Такой важный проект...

Зарина крепче сжала её ладонь.

— Самое важное сейчас — это ты.

Приёмное отделение встретило их запахом лекарств и бесконечной суетой.

Каталки.

Белые халаты.

Чьи-то встревоженные голоса.

Шум открывающихся дверей.

Медсестра быстро оформила документы.

— Родственница?

— Дочь.

— Ожидайте.

И дверь закрылась.

Вот так просто.

За несколько секунд мама исчезла за белой дверью.

Зарина осталась одна.

Она медленно опустилась на пластиковый стул.

Впервые за всё утро наступила тишина.

И именно тогда она вспомнила про работу.

Бахтиёр.

Проект.

Машины.

Склад.

Телефон.

Она резко открыла сумку.

Папка.

Кошелёк.

Ключи.

Платок.

Телефона не было.

Только сейчас память вернула ей утреннюю картину.

Автобус.

Толпа.

Остановка.

Телефон остался там.

— Нет...

Она закрыла лицо ладонями.

— Только не сегодня...

Она знала.

Сейчас в офисе уже начали волноваться.

Сейчас Бахтиёр звонит ей.

Сейчас сотрудники ищут ответы.

И она ничего...

Совсем ничего не может сделать.

Прошёл почти час.

Потом ещё один.

Каждые несколько минут открывалась дверь.

Выходили врачи.

Кого-то звали.

Кто-то плакал.

Кто-то облегчённо улыбался.

Но к Зарине никто не подходил.

Она уже перестала смотреть на часы.

Когда дверь наконец открылась снова, к ней вышел врач
лет пятидесяти.

Спокойный.

Уставший.

Из тех людей, которые за годы работы научились не обеща-
вать невозможного.

— Вы дочь?

— Да.

— Присядьте.

От этих слов сердце забилося ещё сильнее.

Врач открыл папку с анализами.

Несколько секунд молчал.

Потом поднял глаза.

— Сейчас состояние вашей мамы удалось стабилизиро-
вать.

Зарина медленно выдохнула.

Но врач не улыбался.

— Однако результаты анализов вызывают серьёзное беспокойство.

Он аккуратно перевернул страницу.

— Мы видим выраженное нарушение функции почек.

Зарина не сразу поняла смысл сказанного.

— Это... опасно?

Врач не ответил сразу.

Он подбирал слова.

— Сейчас делать окончательные выводы рано. Возможно, это острое ухудшение. Возможно, заболевание развивалось давно и просто впервые проявило себя так тяжело.

Он сделал небольшую паузу.

— Мы оставим вашу маму в стационаре. Проведём дополнительные исследования. Только после них сможем понять, насколько серьёзно пострадали почки и какое лечение потребуется дальше.

Зарина молча кивнула.

Она услышала только первые слова.

«Нарушение функции почек.»

Остальное будто растворилось в воздухе.

Когда врач ушёл, она ещё долго сидела неподвижно.

Перед глазами стояла одна и та же картина.

Утро.

Мама улыбается.

— Вечером купим яблоки...

Как могло пройти всего несколько часов?

Медсестра подошла тихо.

— Девушка...

Вот телефон.

Если нужно кому-нибудь позвонить.

Зарина подняла голову.

— Спасибо...

Она несколько секунд смотрела на кнопки.

Номер Бахтиёра она никогда не записывала отдельно.

Но знала его наизусть.

Пальцы сами набрали цифры.

Гудок.

Ещё один.

Ответ последовал почти мгновенно.

— Алло.

Она открыла рот.

И вдруг поняла, что не знает, с чего начать.

Несколько секунд она просто молчала.

Потом тихо произнесла:

— Бахтиёр Ака...

Это Зарина...

На другом конце линии стало совсем тихо.

— Простите меня...

Я...

Не смогла предупредить...

Мама...

Мы в больнице...

Она ожидала услышать всё что угодно.

Вопросы.

Упрёки.

Раздражение.

Но вместо этого прозвучал спокойный голос.

Настолько спокойный, что у неё защемило в глазах.

— Как мама?

Зарина закрыла глаза.

И впервые за весь день позволила себе заплакать.

Совсем немного.

Беззвучно.

— Врачи говорят... проблемы с почками...

Пока ничего не понятно...

Бахтиёр не перебивал.

Выслушал до конца.

И только потом спросил:

— В какой больнице вы находитесь?

Она назвала адрес.

Наступила короткая пауза.

— Никуда не уходите.

Я приеду.

— Не нужно... У вас проект...

— Зарина.

Она замолчала.

— Я скоро.

Связь оборвалась.

Она ещё несколько секунд смотрела на телефон.

Потом медленно опустила его на колени.

И впервые за этот бесконечный день почувствовала, что больше не одна.

Бахтиёр положил телефон на стол.

В кабинете стояла тишина.

Несколько секунд он просто смотрел в одну точку.

Будто пытался собрать мысли.

Потом резко поднялся.

— Руслан.

Из соседнего кабинета выглянул заместитель.

— Да, Бахтиёр Ака?

— Завтрашний маршрут уже утверждён?

— Почти.

— Заканчивайте без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.